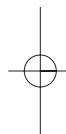
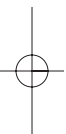
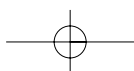
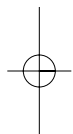
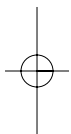
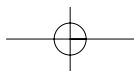

НЕСТОР ИВАНОВИЧ МАХНО

НА ЧУЖБИНЕ

НЕСТОР И. МАХНО

НА ЧУЖБИНЕ 1923-1934 гг.

ЗАПИСКИ И СТАТЬИ

Подборка и предисловие – Александр Скирда

ГРОМАДА

**Париж
2004**

ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ А.СКИРДЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Нестор Махно, казак свободы 1888–1934. Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине 1917–1921, Изд. Громада, Париж, 2001.

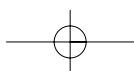
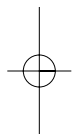
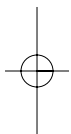
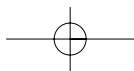
Сайты: www.mahno.ru, www.novsvet.narod.ru

Индивидуальная автономия и коллективная сила: обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Изд-во Громада, Париж, 2002.

Вольная Русь. От веча до советов 1917 года Изд-во Громада, Париж, 2003.

Социализм интеллектуалов. Ян Вацлав Махайский. Изд-во Громада, Париж, 2003.

© Без прав, всякое использование поощряется,
желательно со ссылкой на это издание

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Скирда. Предисловие для русского издания	7
Последний бой Н.И. Махно	14
 Н.И. МАХНО	
I. Записки	19
Письмо П.А. Кропоткину	54
 II. Статьи	
1. Анархизм и наше время	55
2. Наша организация	56
3. О революционной дисциплине	58
4. Идея равенства и большевики	59
5. Памяти кронштадтского восстания	61
6. Создадим фонд помощи заключенным анархистам	63
7. Открытое письмо т-щу Максиму. Волин. В дополнение к «открытому письму т-щу Максиму т-ща Н.Махно»	64
8. Путь борьбы против государства	68
9. Несколько слов о национальном вопросе на Украине	70
10. Как лгут большевики (правда об анархисте Железнякове)	72
11. К евреям всех стран	74
12. К вопросу о защите революции	77
13. Мировая политика Англии и мировые задачи революционного труда	80
14. Великий октябрь на Украине	83
15. Махновщина и антисемитизм	86
16. Крестьянство и большевики	91
17. Ответ на запросы американских товарищей	97
18. 1-ое мая – символ новой эры в жизни и борьбе трудящихся	98
19. Открытое письмо партии ВКП и ее ЦК	100
20. К 10-й годовщине революционного повстанчества на Украине – Махновщины	105
21. Советская власть, ее настоящее и будущее	114
22. На путях пролетарской власти	117
23. Азбука анархиста-революционера	121
24. Письмо к испанским анархистам	136
25. К истории испанской революции и роли в ней правых и левых социалистов и анархистов	138
26. Над свежей могилой Т.Н. Рогдаева	144
 III. Махновщина и ее вчерашние союзники – большевики	
Волин, Разъяснение	207
Н.И. Махно. По поводу «разъяснения» Волина	216
Гравюры на дереве Ивана Лебедева (1936)	53, 226

Предисловие для русского издания

Слово Нестору Ивановичу Махно!

Двадцать лет тому назад, в 50-ю годовщину смерти Н.И. Махно, мы издали сборник его зарубежных публицистических материалов во французском переводе¹, а затем – на английском языке². В этом году – 70-летие этого печального события, так что мы решили выпустить этот сборник на языке оригинала, то есть на русском³, дополненный другими статьями и текстами. В результате представляем полное собрание – кроме мемуаров – зарубежных сочинений великого бунтаря.

Следует, кстати, напомнить, что повстанческое движение Левобережной Украины было проявлением народной самообороны во имя социальной справедливости и национального освобождения от завоевателей всех мастей и паразитов всех сортов.

Стремления Н.И. Махно и его соратников основывались на учении Михаила Бакунина и Петра Кропоткина – анархо-коммунизм – так, как они его определили во второй половине XIX столетия: этическое соотношение между средствами и целью, взаимопомощь, самоуправление и самостоятельность; одним словом, честь быть человеком, а не хищником, как проявил себя человеческий род в XX веке. Более того, анархия понималась как завершающая стадия гармонического общественного строя – мать порядка, по выражению знаменитого французского ученого Элизе Реклю, а не всеобщий беспорядок, как принято в вульгарном значении, которое господствует в современном обществе, когда допускается наибольший произвол и крайнее угнетение. А коммунизм – термин, употребляемый в XIX веке в смысле высшего социального идеала, был приспособлен Лениным и его сторонниками только в 1918 году ради отличия от их родной социалдемократии. Большевики почти окончательно опозорили саму идею общественного освобождения, применяя чудовищную систему кровавой тирании. Таким образом, коммунизм стал теперь синонимом государственного ига, полицейской репрессии, истребления мирного населения, уничтожения инакомыслящих и т. п., в конце концов наглого обмана народа в пользу шайки самозванцев, девиз которых – «ложь, лицемерие и подлость». Можно

быть уверенным, что если бы близкие и даже последователи и сторонники большевизма вовремя раскрыли, что таилось за демагогией Ленина, мало кто из них пошел бы за ним.

Все статьи Н.И. Махно представлены в хронологическом порядке. В свое время мы рассмотрели содержание большинства из них, переведенных на французский язык: это исследование помещено здесь в русском переводе. Теперь надлежит рассмотреть те, которыми дополнен сборник: во-первых, его *Записки*, написанные в заключении в Польше под угрозой высылки или приговора. Они не совсем совпадают с последующей редакцией его воспоминаний, поэтому мы решили включить их в сборник. Во-вторых, статьи *О создании фонда помощи заключенным анархистам в России* – протест против большевистской расправы и выражение солидарности с идейными товарищами; *Открытое письмо т-щу Максимову*, в котором Махно излагает подробности о редакции «Декларации» движения. Дополнительно мы поместили объяснение Волина; *Ответы на запросы американских товарищей*, где Махно счел нужным оправдаться в глазах «критических» обозревателей за присутствие в Париже на праздновании 10-летия большевистского переворота. Наконец, его последнее сочинение: некролог по поводу кончины близкого товарища Николая Рогдаева, который он не смог отослать вовремя в редакцию из-за отсутствия денег на марки! Это обстоятельство свидетельствует об ответственности его французских «единомышленников» – бюрократов и моралистов, которые не передавали ему деньги, посылаемые со всего мира, а особенно из Америки, в его пользу. (В нашей монографии подробно изложено, как эти «анархисты» его уморили.)

В сборнике мы впервые переиздаем его важнейшую брошюру *Махновщина и ее вчерашние союзники – большевики*, в которой он отвечает на клевету и ложь официальной большевистской истории махновского движения, некоего М.Кубанина. Несомненно, этот текст представляет исключительный интерес, ибо он непосредственно опровергает басни, распространенные красными, и поворачивает против них их обвинения:

«Можно ли встретить большую, чем это, мерзость где-либо в других социалистических движениях. Пока она особенно заметна в рядах только марксизма-ленинизма, в его практике».

О трех предполагаемых союзах с большевиками:

«Для Махновщины и ее руководителей совершенно неизвестно о трехкратном союзе ее с большевиками. Это Кубанин для большей «политической» важности подчеркивает, что три раза Махно был в союзе с большевистской властью...

Союзов было два: один весной 1919 года против контрреволюции казачества Дона и Деникина и другой в октябре месяце 1920 года против Врангеля.

В 1918 году у нас не могло быть союза с большевиками потому, что Махновщина, как организованная революционная сила трудящихся, была лишь одна на Украине. У большевиков трудовых вооруженных и организованных сил не было. И Махновщине заключать с ними союзы было незачем».

Он напоминает еще о сущности движения: «Махновщина руководствовалась идеей Революции, свободы и независимости тружеников деревни и города на ее пути и она хорошо сознавала, что ввести в жизнь трудящихся реально эти идеи можно только через полное и решительное физическое уничтожение вооруженных сил действительной контрреволюции на всей территории революции и к этому она стремилась, это она делала».

Большевики, утверждает Махно, «убили украинскую революцию» – вот что Кубанин пытается скрыть.

О «мнимых руководителях, учителях и воспитателях» Махно – черным по белому – пишет: «Движением руководили неизменные его прямые создатели, под идейным и организационным руководством бесцеремонного дерзкого Махно».

А именно: «Главное руководство повстанчеством, его армией, во всех ее внутренних разветвлениях, как-то: административных, хозяйственных, организационных и контрольных, строевых и оперативно-боевых, неизменно находилось в руках крестьян и рабочих. Братья Каретники, Ф.Крат, Мощенко, А.Марченко, И.Лютый, братья Махно, Тихенко, Гавриленко и многие, многие другие – все они крестьяне-анархисты, в большинстве своем из батраков.

Т.т. Серегин, В.Данилов, Я.Домашенко – были рабочие.

Эта группа, признав меня первым среди равных на пути движения, сосредотачивала через меня все нити руководства движением».

Сугубый интерес представляет его опровержение так называемого «Дневника жены Махно», используемого поныне противниками, чтобы заклеить махновское движение: «писать всевозможные выдержки», «давать их разного сорта рассказчикам и баснописцам» и по ним «изучать» Махновщину и ее роль в Революции:

«Я категорически заявляю свое опровержение того, что большевиками цитируется, якобы из этого же «дневничка», что будто бы я, руководя таким грандиозным движением, как революционная Махновщина, имел привычку напиваться допьяна, ходить по селу или деревне с гармонией, наигрывая на ней на утеху себе и жителям. Я на гармонии не играю и никогда в жизни не играл, хотя и люблю послушать ее, когда на ней играет хороший мастер.

Еще с большей категоричностью я опровергаю то, что (опять таки согласно дневничку) большевики утверждают, будто бы повстанцы маховцы – эти безымянные революционные борцы-добровольцы в армии движения Махновщины – получали жалование по 1000 руб. или вообще жалование».

Насчет напрасной стрельбы из пулемета он детально объясняет этот конфуз:

«В практике Семена Каретника, как и у всех моих помощников вообще, которые погибали на своем посту и заменялись другими, было правило, унаследованное ими от меня: *Будучи на руководящем боевом посту, ни на кого целиком не полагаться в вопросе о состоянии вооруженных единиц, перед выступлением в поход. Всегда осмотри их, проверь сам.* Особенно, правило это практиковалось у нас в отношении тех пулеметных единиц, которые во время переходов и походов, должны были следовать вместе со мной в авангарде всех сил армии. Семен Каретник в таких случаях обязательно проверял эти единицы, в особенности в зимнюю пору, когда слабое охлаждение в них могло замерзнуть. Проверял он их потому, что хорошо знал меня, что я, идущий далеко впереди армии, на случай встречи с врагом, не буду поджидать главных сил армии, а по чисто боевым соображениям, чтобы не дать врагу своевременно осмотреться и подготовиться, согласно своему и нашему положению, брошу свои части на него, хотя бы это стоило больших жертв в начале схватки именно нам, а не врагу...

Вот в этих то случаях Семен Каретник проверял обыкновенно пулеметы путем прострелки из них по пяти и десяти патронов, часто сам. Номера их только смотрели на него и, когда нужно, помогали ему». Этими разъяснениями – помимо воли Махно, ибо он к этому не стремился – оправдывается прозвище «Батько» и подчеркивается его военная одаренность.

Он точно опровергает факты и сцены, описанные в этом «дневничке», доказывая их невозможность, так как он и его жена Галина не находились в этих местах в этих числах: «Все положения этого дневничка ни в основе, ни в деталях своих, не содержат никакой истины, – они ложны». Тем самым он привносит немало данных, неизвестных до тех пор, существенно осветив борьбу повстанцев: «Этого-то никак не могут понять все борзописцы от большевизма. И поэтому все их писания, все их выводы в них касательно крестьянства и его революционной роли в русско-украинской революции бывают сплошь и рядом полны недоговоренностей и лжи».

По нашему мнению, этот «Дневник» был сфабрикован специально ЧК с целью дискредитировать движение. Вдохновился ли «писарь-чеккист» каким-то фактическим документом, это до сих пор неизвестно, но самое главное то, что Н.И. Махно успел при жизни его полностью опровергнуть, то есть по версии, тогда представленной⁴.

Не менее интересна полемика между Махно и Волиным: она открывает неожиданную и малосимпатичную сторону личности последнего.

Разумеется, мы учли все эти сведения и подробности в нашей монографии на французском языке в 1982 г.⁵, так что стало трудно лгать и клеветать на эту тему. Можно относиться положительно или отрица-

тельно к Н.И. Махно и повстанческому движению, но больше нельзя обходить стороной все предоставленные данные и факты. По этому поводу следует обратить внимание на удивительное явление: Махномания! Чрезвычайная судьба народного мстителя и подвиги движения его имени вызывают интерес не только на родине и в России, что естественно, но даже во всем мире: более ста сайтов в Интернете и множество публикаций – книги, романы, театральные пьесы, не считая случайных «махнологов», часто с публичным успехом. Это положительно, и чем больше будет, тем лучше. Но нельзя забывать, что действительность превосходит здесь фикцию и предоставим слово самому Нестору Ивановичу.

Александр Скирда
Париж, июнь 2004

¹ Nestor Makhno. *La lutte contre l'État et autres écrits*. Paris, 1984.

² *The Struggle Against the State and Other Essays by Nestor Makhno*. AK. Press, Edinburg–San Francisco, 1996.

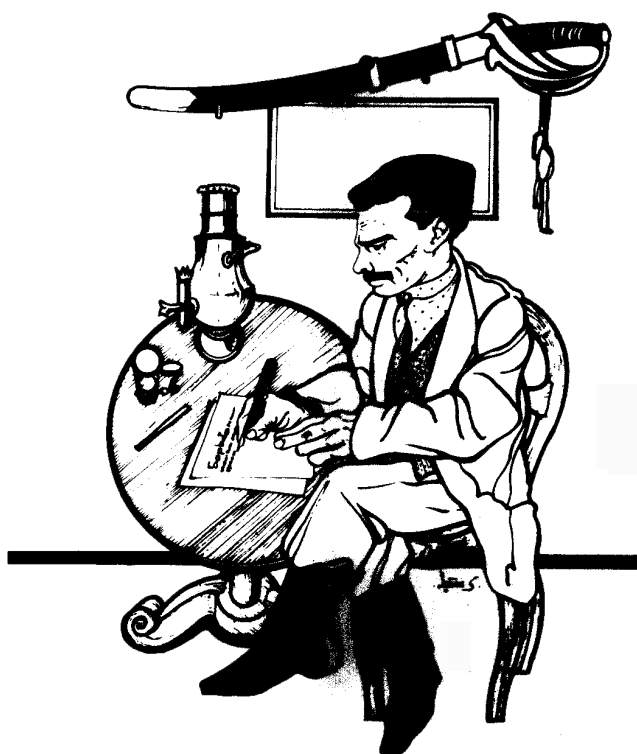
³ В 1999 г. мы предоставили 6 статей для участия в замечательной книге: *Нестор і Галина. Розповідають фотокартки*. Віктор Яланський, Лариса Верьовка. Київ–Гуляйполе, 1999, стр. 513-540. Вечная память покойному В.Яланскому († 2003), внучатому племяннику Нестора Махно, посвятившему многие годы и приложившему немало усилий для реабилитации своего прадеда.

⁴ Следует уточнить, что выдержки из этого дневника были использованы злонамеренно М.Кубаниным: *Махновщина*, Прибой, Ленинград, 1928, стр. 144-146 и 184. С тех пор выяснилось, что этот дневник достоверен, написан на украинском языке и впервые опубликован в русском переводе в *Под черным знаменем, жизнь и смерть Нестора Махно* Сергея Семанова, Москва, 1990, стр. 45-56. Однако остаются некоторые уклончивости и противоречия, несмотря на разногласия русских переводов 1928 и 1990 гг. Жаль, что в то время большевики не удовлетворили желание Махно «сфотографировать этот дневник и через печать дать знать его полный текст».

⁵ Она выдержала три издания, готовится четвертое и должно выйти в этом году на английском языке в Америке

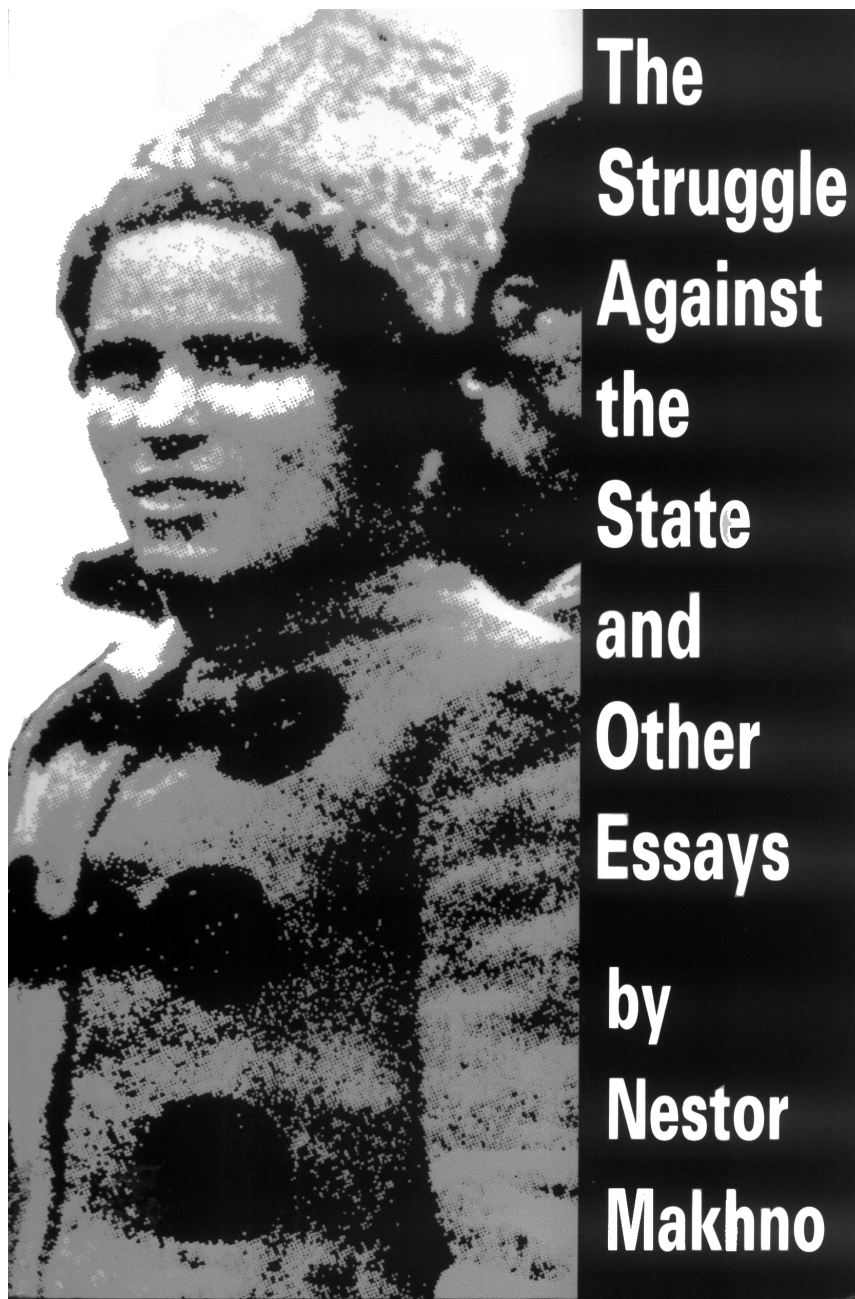
NESTOR MAKHNO

La lutte contre l'État et autres écrits

J.-P. Ducret

Обложка французского издания в юбилей смерти Н.И. Махно в 1984 г.

Английское издание статей Н.И. Махно

Предисловие 1984 г. для французского издания

Последний бой Н.И. Махно

В 1984 все, для кого важна борьба за лучшую жизнь и лучший мир, смогут почтить пятидесятилетие безвременной кончины – в возрасте сорока пяти лет – Нестора Ивановича Махно. В посвященной ему монографии мы показали с максимальной точностью незаурядность этой личности и подчеркнули ее определяющую роль в ходе украинской социальной революции. Напомним основные положения нашей книги.

Махно – выходец из бедного крестьянства Восточной Украины, колыбели запорожского казачества, известного своей свободолюбивой борьбой против турецких, польских и московских угнетателей. С самого юного возраста он включился в борьбу против царского самодержавия, за свободное общество трудящихся. Именно под его влиянием группа гуляйпольских коммунистов-анархистов становится во главе широкого крестьянского повстанческого движения, вооруженная борьба которого стала определяющей на протяжении всей гражданской войны в России. Действительно, никогда не лишне повторить, что именно Махно и его товарищи дважды отразили в ходе решающих схваток мощные наступления белой армии под командованием генералов Деникина и Врангеля. Махновские повстанцы, безусловно, считали, что этим они спасают русскую и мировую революцию – они сражались не только за себя – и ни на миг не предполагали, что в действительности это было на руку диктатуре партии – государства, имевшей намерения, диаметрально противоположные их собственным. С одной стороны, это недоразумение, с другой – трагедия, не только для них самих, но также для всего революционного замысла этого века вплоть до наших дней.

Спаситель Ленина, помимо своей воли, Махно с огромными трудностями ускользает из когтей чекистов, наемников нового хозяина Кремля. Понадобились четыре года, долгие и опасные заключения в румынских, польских и немецких тюремных камерах, прежде чем ему удалось обосноваться в достаточно надежном месте, в Париже. Тогда он отдает оставшиеся силы написанию воспоминаний и политических ра-

бот, чтобы наиболее полно осветить свой революционный опыт. Так, он дает свой последний бой, поменяв саблю на перо; и это несмотря на очень тяжелые условия существования, на распри эмигрантской жизни, на последствия многочисленных ранений и туберкулеза, который вскоре должен был унести его жизнь.

Вместе с близким товарищем Петром Аршиновым он начинает издание русского анархистского коммунистического журнала «*Дело труда*». В своих статьях он стремится в первую очередь подробнее рассказать о титанической борьбе, которую вел совместно с товарищами в украинских степях. Он подчеркивает в этой связи преимущественное влияние местных анархистов, которые почти все были крестьяне, внутри движения масс, получившего его имя. Он противопоставляет их поведение поведению украинских, и особенно русских городских анархистов, остававшихся скандально пассивными или же просто-напросто присоединявшихся к ленинскому режиму.

Он проливает также некоторый свет на различные проблемы движения: национальный вопрос, который он, по собственному признанию, недооценил, необоснованные обвинения в антисемитизме, условия и обстоятельства, в которых родилось и развивалось повстанческое движение, в частности в организационном и практическом плане.

Эта последняя тема является самой деликатной, поскольку повстанческая армия, вместе с необходимыми военными структурами, даже если она создавалась убежденными анархистами, представляла собой явление беспрецедентное и парадоксальное для теории и практики анархистских идей. Бесспорно, эта армия функционировала исходя из принципов прямой демократии: добровольчество, избрание и смещение снизу руководителей и командиров всех уровней, автономность отрядов и полков – разумеется, кроме случаев общей стратегической необходимости – наконец, полный симбиоз с трудовым населением, породившим эту армию. Вместе с тем, существовал, с одной стороны, центральный штаб, в котором сам Махно играл первостепенную роль, а с другой – твердое и динамическое ядро движения, как в политическом, так и в военном отношении, состоявшее из анархистов и, особенно, из членов гуляйпольской анархистской коммунистической группы. Махно считал, таким образом, своим долгом объяснить необходимость такой революционной армии, вызванную социальной и исторической действительностью, а затем определить функцию авангарда, которую взяли на себя местные анархисты. Махно понимал этот авангард в буквальном смысле слова, а именно так, что его члены должны находиться на передовых рубежах борьбы и подавать пример; в этом не было ничего общего с яacobинско-ленинской концепцией авангарда, который претендует на роль исторического и политического руководителя масс, с тем, чтобы лучше подменить коллективные чаянья свои-

ми собственными элитарными интересам. Что касается авангарда махновских повстанцев, он взял на себя только инициативу вооруженной борьбы и определения ее целей, тогда как высшие народные органы были представлены свободными советами, их заседаниями и съездами. Этот авангард находился, таким образом, в самом центре масс, а не впереди или сверху, над массами, и эта разница огромна.

Для Махно такая стратегическая и тактическая линия была реакцией на определенное отречение большинства анархистов страны, неспособных осуществить до конца свои убеждения и оказавшихся объективно в хвосте у большевиков. Пользуясь успехом, полученным вследствие такого развития событий, Махно думал, что эта линия должна служить укреплению концепции анархизма, более последовательного и более сплоченного организационно благодаря постоянной социальной практике. Этот вывод станет, впрочем, отправной точкой для коллективной мысли, конкретизированной в «Проекте платформы для всеобщего союза анархистов», написанном совместно с Аршиновым и другими русскими анархистами-эмигрантами.*

Этот пересмотр эффективности анархизма не мешает Махно убедительно подтвердить основные ценности анархического коммунизма. Во многих статьях, излагавших его кредо, он настаивает на бунтарском духе, на отказе от всякого подчинения и примирения, благодаря чему индивид становится действительно сознательным и независимым, непокорным повстанцем, каковым был он сам на протяжении всей своей жизни. Для него анархизм является социальной доктриной, наилучшим образом отвечающей интересам класса рабочих и крестьян, наиболее бедных и наиболее угнетенных; революционное и освободительное призвание анархизма должно утверждаться как размышлением и осознанным пониманием, так и волей к действию – посредством «действующего коллектива», по его собственному выражению, – против всех несправедливостей, причиненных государственным устроением общества. Собственные размышления и концепции Махно являются для него только личным вкладом в революционный проект, извлеченным из военного и революционного опыта; он стремится к объединенному действию анархистского движения и предлагает в этом направлении в 1931 году создание интернационального коллектива для изучения вопроса о подготовительной конференции к международному анархистскому конгрессу, задачей которого должно было стать дополнение и развитие фундаментальных положений анархического коммунизма в мировых масштабах.

Махно с исключительной резкостью критикует большевизм и его извращение социальной революции 1917 года. Он не только пересматривает то, что принято называть «Октябрьской революцией» по отношению к революционной Украине, но и снижает значение большевистского переворота, сравнивая его с борьбой и завоеваниями украинских

крестьян, задолго до штурма Зимнего дворца в Петрограде. Он осуждает подавление красными фанатиками восстания кронштадтских матросов, выразителей справедливых народных чаяний. Отметим также его блестящее разоблачение революционных претензий наследников Ленина, чьи различные толкования равенства, лозунга Октября 1917 он излагает. Укажем, кроме того, на его неординарный анализ «пролетарской» власти: он констатирует, что значительная часть рабочего класса активно участвовала в установлении большевизма и нашла в этом свою выгоду, пользуясь в качестве «официально правящего класса» некоторыми привилегиями. Рабочие, таким образом, смогли стать эксплуататорами, иногда худшими, чем буржуа, не только по отношению к своим братьям по классу, но в особенности по отношению к крестьянским массам. Однако, по мнению Махно, именно крестьянские массы были действующим лицом первого плана в русской и украинской революции, более радикальным, чем взятый в целом городской пролетариат. Это утверждение явно противостоит антикрестьянским предрассудкам, распространенным в городских и революционных кругах – иногда даже среди анархистов, которые пытались, напротив, объяснить поражение революции «жадностью» и крестьянским «инстинктом собственника»¹.

Социальное расслоение, таким образом, не было достаточным, чтобы гарантировать освободительную эволюцию, требовалось, кроме того, еще проявление революционного этического сознания. Махно дополняет этим критику некоторых русских анархистов и польско-русского мыслителя Махайского, которые утверждали, что только каста социалистической интеллигенции, и через нее растущий класс работников интеллектуального фронта, навязала свое господство рабочим и остальным трудящимся страны, используя дело революции.

Отметим также позицию в отношении «настоящего и будущего СССР», занятую Махно в 1931 в пользу объединения всех без исключения русских революционеров, в том числе бывших и настоящих членов коммунистической партии, для борьбы с большевизмом.

Заметим, попутно, предвосхищающий характер его анализа ситуации в Испании в начале 30-х годов; остается сожалеть, что этот анализ был мало известен и распространен в то время среди испанских анархистов. Можно также сожалеть, что тексты этих работ так долго оставались неизвестными – хотя некоторые из них были опубликованы в то время в *Le Libertaire* и других анархистских изданиях – это можно объяснить лишь общим отступлением анархистского движения после его поражения в Испании в 1936-37 годах и сталинского триумфа после Второй мировой войны. С тех пор губительные последствия этих двух масштабных исторических отступлений слегка ослабели, анархистские идеи набирают новую силу и желательнее осветить как можно шире и лучше их исторические и теоретические достижения. Именно

поэтому мы предлагаем данную антологию, состоящую из статей Нестора Махно, отобранных по значимости и актуальности затронутых тем, – опубликованных между 1925 и 1932 гг. в русских анархистских журналах «Дело труда» и «Пробуждение».

Александр Скирда, Париж, февраль 1984.

* См. нашу работу, в которой собраны все документы по данной проблеме: *Autonomie individuelle et force collective. Les anarchistes et l'organisation*, Paris, 1987, и на русском языке *Индивидуальная автономия и коллективная сила*, Громада, Париж, 2002.

¹ Это был презрительный отказ от так называемого примитивного коммунизма, существовавшего многие столетия у русских крестьян в форме общины (общинного владения землей), которую даже Маркс считал в одной из своих последних работ основой «социального возрождения» страны.

I. ЗАПИСКИ НЕСТОРА МАХНО

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатаемые нами записки т. Нестора Махно написаны им уже после того, как он покинул пределы Украины. Они не охватывают махновского движения во всей его широте и разнообразии, а являются, главным образом, повествованием автора частью о себе, частью о некоторых проявлениях революционного повстанчества в русской революции. Но повествование это построено на историческом материале и представляет огромную ценность для всякого интересующегося личностью Махно и явлением махновщины в русской революции.

О махновском движении в заграничной прессе уже печатался ряд документов точного исторического смысла. Укажем на статьи П.Аршинова на разных языках – в европейских и американских газетах:

«Махновщина и антисемитизм», «Нестор Махно», и «Махновщина» (концентрированный очерк махновского движения).

В самое последнее время из печати вышла «История махновского движения» того же автора (см. о ней рецензию в настоящем №-ре *Анархический Вестник*) – книга в 258 страниц, где явление махновщины изображается с исчерпывающей широтой и глубиной.

Записки Нестора Махно, как одного из непосредственных и активнейших участников движения, пополняют собранный материал о махновщине, проливают на него дополнительный свет и представляют собою документ большой исторической ценности.

Глава первая КРАТКИЕ ДАННЫЕ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ ДО РЕВ. 1917 г.

Отец мой – бывший крепостной помещика Шабельского, жившего в одном из своих имений, в деревне Шагаровой, что в семи верстах от села Гуляй-Поля, Александровского уезда, Екатеринославской губернии.

Большую часть своей жизни он прослужил у того же помещика, то конюхом, то воловником.

Ко времени моего рождения (27 октября 1888 года), он оставил уже службу у помещика и поступил кучером к гуляй-польскому заводчику, богатому еврею Кернеру.

Отца своего я не помню, так как он умер, когда мне было только одиннадцать месяцев. Пятеро нас, братьев-сирот, мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола ни двора.

Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать.

На восьмом году мать отдала меня во 2-ую гуляй-польскую начальную школу.

Школьные премудрости давались мне легко. Учился я хорошо. Учитель меня хвалил, а мать была довольна моими успехами. Так было в начале учебного года. Когда же настала зима, и река замерзла, я по приглашению своих товарищей стал часто, вместо класса, попадать на реку, – на лед. Катанье на коньках с сотней таких же шалунов, как и я, меня так увлекло, что я по целым неделям не появлялся в школе. Мать была уверена, что я по утрам с книгами отправляюсь в школу и вечером возвращаюсь оттуда же. В действительности же я каждый день уходил только на речку и, набегавшись, накатавшись там вдоволь с товарищами, проголодавшись, – возвращался домой.

Такое прилежное мое речное занятие продолжалось до самой масленицы. А в эту неделю, в один памятный для меня день, бегая по речке с одним из своих друзей, я провалился на льду, весь измок и чуть было не утонул. Помню, когда сбегались люди и вытащили нас обоих, я, боясь идти домой, побежал к своему родному дяде. По дороге я весь обмерз. Это вселило дяде боязнь за мое здоровье, и он сейчас же разыскал и сообщил обо всем случившемся моей матери.

Когда явилась встревоженная мать, я, растертый спиртом, сидел уже на печке.

Узнав, в чем дело, она разложила меня через скамью и стала лечить куском толстой скрученной веревки. Помню, долго после этого я не мог садиться, как следует, на парту, но помню также, что с этих пор я стал прилежным учеником.

Итак, зимою я учился, а летом нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время молотбы, гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 коп. в день.

По окончании начальной школы, я то служил у помещиков, то учился и работал в красильной мастерской; и, поднявшись немного и окрепнув, – поступил в гуляй-польский чугунно-литейный завод, в литейный цех.

В 1906 году, когда революция была уже подавлена, я вступил в кружок молодежи украинской группы хлеборобов анархистов-коммунистов.

В конце 1906 года я был заподозрен в убийстве стражников, схвачен и предан военно-полевому суду. Вскоре меня оправдали и освободили. По освобождении я продолжал свою работу в группе, которая то жила открыто, то временами надолго уходила в подполье.

В конце 1907 года я был вторично арестован. Меня обвиняли в целом ряде политических убийств и экспроприации. Однако, следствием это не было доказано и, спустя несколько месяцев, меня под залог имущества одного заводчика выпустили из тюрьмы. В это время группа сильно преследовалась со стороны полиции. Полицейские агенты и стражники так и рыскали по району и выхватывали отдельных товарищей. В августе 1908 г., по показанию члена нашей группы Альтгаузена, оказавшегося, как мы потом узнали, провокатором, я был опять схвачен и посажен в тюрьму.

В марте 1910 года я, во главе шестнадцати обвиняемых, был осужден одесским военно-окружным судом в г. Екатеринославе и приговорен к смертной казни через повешение. 52 дня сидел я под смертным приговором, после чего, благодаря несовершеннолетию в момент преступления, а отчасти благодаря хлопотам матери, смертная казнь была заменена мне бессрочной каторгой.

Каторгу я отбывал в московской центральной тюрьме. Сидя в тюрьме и до суда, и после, и даже в московской каторге я делал попытки к бегству, но все эти попытки оканчивались неудачей.

В течение всех семи лет сиденья в московской тюрьме, я не покидал заниматься самообразованием, пользуясь богатой библиотекой, находившейся при тюрьме, и услугами более образованных товарищей политических – учителей и студентов. С особенным усердием изучал три любимейших отрасли знания – историю, географию и математику.

Наступил 1917 год.

Грянул гром, вспыхнула революция, и тюремные двери раскрылись.

II.

Помню 1 марта, часов в 8-9 вечера нас начали освобождать. Об этом освобождении никто из заключенных ничего не знал. Все знали и видели, что по одному по два человека из отдельных камер куда-то зачем-то вызывают, а обратно не приводят. Нам не говорили, куда и зачем уводили этих людей, и это для нас было загадкой. Загадка эта нас всех мучила и беспокоила. Мы терялись в догадках и начинали нервничать.

Помню, было около часа ночи. Из 25 человек в камере осталось только 12; остальные были куда-то уведены. Несмотря на столь поздний для тюрьмы час, мы, оставшиеся еще в камере, нервничая, мучаясь неизвестностью, спать и не собирались ложиться. Наконец – свисток. Проверка. К нам в камеру заходит дежурный помощник началь-

ника тюрьмы и с ним какой-то неизвестный нам военный. Дрожащим от волнения голосом спрашиваю: «Господин помощник, будьте добры, объясните нам, куда и зачем увели наших товарищей?»

Услышав мой вопрос, помощник быстро произнес: «Успокойтесь и не волнуйтесь. Нашей стране дал Бог переворот, объявлена свобода, к которой примкнул и я. Кто имеет 102 статью (статья о принадлежности к политическим партиям), тот завтра обязательно будет освобожден. Сейчас комиссия по освобождению устала и поехала отдохнуть».

Сказав это, он вежливо раскланялся с нами, чего раньше никогда не делал, и вышел из камеры. Многие из нас от радости подпрыгнули чуть ли не до самого потолка. Другие, со злобой, посылая проклятия по адресу комиссии по освобождению политических, заплакали.

Когда я спросил их: «О чем вы плачете», то мне ответили: «Мы десятки лет томимся по застенкам тюрем и не устали, а они (комиссия) там на воле поработали всего только несколько часов и уже устали. А вдруг восторжествует снова контрреволюция, и мы остались опять на долгие годы в этих гнусных застенках»...

Эти слова многих из нас натолкнули на разные мысли, и на час-другой каждый из нас погрузился в уныние... Сколько тревог, надежд и волнений уместилось в наших душах...

III.

Рассвет... Спать в эту ночь никто из нас не ложился. Каждый погрузился в самого себя и с нетерпением ожидал утра, а с ним и обещанного освобождения. Какой бесконечно желанной, прекрасной и дорогой нам, бессрочникам, казалась в эти минуты свобода. И не получив еще ее, как мы волновались, как трепетали наши сердца в тревоге, в страхе, что у нас ее, свободу, или вернее – мечту о ней, отымут.

Время шло страшно медленно, и часы казались вечностью.

Наконец-то среди мертвой тишины камеры послышался шум говора со двора и раздался выстрел. Окно нашей камеры выходило на широкий двор тюрьмы с церковью и с большой площадью впереди нее. Услышав шум и выстрел, мы все моментально ринулись к окну. Видим, вся площадь тюремного двора заполнена солдатами в форме конвойной команды. То и были конвойные, которые кричали:

«Товарищи заключенные, выходите все на свободу. Свобода для всех дана!»

Из окон тюремных камер послышалось: «Камеры заперты».

«Ломайте двери!» все, как один, крикнули конвоиры.

И мы, не долго думая, сняли со стола полуторавершковую крышку и, раскачав ее на руках, сильно ударили ею по двери. Дверь открылась. С шумом, с криком выбежали мы в коридор и направились было к другим камерам, чтобы посоветовать, как открыть дверь, но там без совета проделали то же, что и мы, и все уже были на дворе.

Тогда мы поспешили все к воротам, ведущим на одну из улиц Москвы. Там были уже тысячи каторжан, и каждый из них спешил первым выйти на улицу. На Долгоруковской улице по дороге к городской думе всех нас выстроили по четыре человека в ряд, для регистрации, как пояснили нам. Вдруг видим – летят от городской думы военные и гражданские и с возмущением в голосе кричат конвоирам: «Что вы наделали... Обратно в тюрьму!.. Освобождение будет производиться по порядку».

И нас моментально охватили войска и загнали обратно в тюрьму.

Среди криков и проклятий моих товарищей по адресу и властей, и комиссии по освобождению, просидел я еще часов 5-6.

Наконец заходит какой-то офицер в чине поручика с какими-то бумагами в руках и кричит: «Кто такой Махно?» Я откликнулся.

Он подошел ко мне, поздравил со свободой и попросил следовать за ним. Я пошел. Товарищи бросились за мной вдогонку, плачут, бросаются на шею, целуют. – Не забудь напомнить о нас...

По дороге этот офицер многих еще вызывал, и, следуя за ним, мы пришли в привратническую. Здесь на наковальне солдаты разбили наши ножные и ручные кандалы, после чего нас попросили зайти в тюремную контору. Здесь заседала комиссия по освобождению. Она сообщила нам, кто из нас по какой статье освобождается и поздравила со свободой. Отсюда уже без провожатых мы сами свободно вышли на улицу. Здесь нас встречали толпы парода, которые также приветствовали нас со свободой. Зарегистрировавшись в городской думе, мы отправились в госпиталь, где для нас были отведены помещения,

Наладив связь с анархическими организациями, я поспешил выехать домой к себе в свое родное село Гуляй-Поле.

Глава вторая

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА В ГУЛЯЙ-ПОЛЬСКОМ РАЙОНЕ

Приехав домой, я застал старушку мать сильно постаревшей, согбенной, беспомощной. Девять лет моего отсутствия ее сильно изменили. Братья в мое отсутствие обзавелись семьями и теперь были на войне.

Весть о моем приезде быстро разнеслась по Гуляй-Полю, и ко мне стали сходить крестьяне и крестьянки.

Всю ночь я провел в беседе с ними и через них ознакомился с положением организации общественного самоуправления.

Утром 23 марта я был уже на трибуне перед всем гуляй-польским населением.

Я призывал крестьян реорганизовать свой общественный комитет, который был организован произвольно и возглавлялся не местными, а

офицерами 8 сербского полка, стоявшего тогда в Гуляй-Поле. Я призывал крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию взять всю жизнь села в свои руки.

Скоро общими усилиями крестьян, рабочих и местного учительства был реорганизован сначала только местный, а потом и волостной и общественный комитет.

Одновременно с реорганизацией комитета, я начал организовывать в селе крестьянский союз, который из местного расширился скоро в волостной, а потом и в районный.

Занимая пост председателя крестьянского союза, я одновременно был помощником председателя общественного комитета, председателем земельного комитета, председателем профессионального союза металлистов и деревообделочников и председателем больничной кассы.

Время шло, события развертывались, революция быстро шла вперед...

В первых числах августа 1917 года на губернском съезде в г. Екатеринославе было постановлено реорганизовать все крестьянские союзы в советы крестьянских и рабочих депутатов. Проводя в жизнь его постановление, мы у себя на местах реорганизовали союзы в советы. В ожидании новых распоряжений, наш совет работал очень мало.

Состоя председателем совета, я в это время мало работал в нем, а отдался всецело работе по земельному вопросу, который по постановлению крестьянского съезда гуляй-польского района требовал немедленного разрешения.

Собрав в средних числах августа всех помещиков и крупных собственников района, я отобрал у них официальные документы о количестве находящейся в их владении земли, инвентаря и т. п.

Подытожив все это, я выступил с докладом сначала на волостном соединенном собрании совета и общественного комитета, а потом и на районном съезде. На этих заседаниях было постановлено оставить кулакам и помещикам по общей трудовой норме как земли, так и живого и мертвого инвентаря.

По примеру гуляй-польского района, такие же постановления были вынесены на съездах целого ряда уездов Екатеринославской и Таврической губерний.

Для проведения в жизнь этих постановлений август месяц оказался неблагоприятным, в виду выступления Корнилова.

В связи с Корниловским походом, и в нашем районе все недовольные новыми порядками зашевелились и стали организовываться.

Тогда комитет спасения революции взял на учет всю буржуазию и отобрал у нее огнестрельное оружие.

Начались возмущения, протесты, доносы и заявления на меня правительственному комиссару уезда Михно. Последний в скором времени присылает бумагу Гуляй-польскому общественному комитету с требованием немедленного устранения меня от общественной работы, так как я, за свои действия в Комитете Спасения Революции, предан Уездным Общественным Комитетом суду.

Глава третья

ОККУПАЦИЯ УКРАИНЫ. НАЧАТКИ РЕВ. ПОВСТАНЧЕСТВА. ОТСТУПЛЕНИЕ. ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Март месяц 18-го года принос нам в Гуляй-Поле весть, что Центральная Украинская Рада заключила с Германией и Австро-Венгрией военный договор, при помощи их войск заняла Киев и движется вглубь Украины.

Это ошеломляюще подействовало на наш район, так как крестьяне и рабочие хорошо знали, что им может принести Украинская Центральная Рада своим святейшим союзом с Карлом австрийским и Вильгельмом II.

Правда, агенты Центральной Рады крестьянам и рабочим Украины проповедовали, что эта Рада везет с собой много обуви, мануфактуры, сахару и соли. На пути своем она устраивает всестороннюю здоровую мирную жизнь. Но крестьяне и рабочие к этому мало прислушивались. Они спешно готовились к вооруженной встрече своей спасительницы.

По зову гуляй-польского революционного комитета группы анархистов-коммунистов и левых эсеров (большевиков у нас не было), профессионального союза, весь гуляйпольский район объединился вокруг этого комитета в недельный срок времени.

Немецко-мадяро-австрийские войска с проводившими их разведывательными отрядами Центральной Рады подходили к Екатеринославу.

Поэтому гуляйпольский революционный комитет поручил мне, как главе своему, организовать себе полевой штаб и создать из крестьян и рабочих вольные батальоны, которыми и руководить в борьбе против Центральной Рады и немцев.

В это время большевицко-левоэсеровский блок на всех парах отступил на Таганрог. Поэтому мне без затруднений удалось у начальника юга резервных войск Белинькевича достать 6 орудий, 9 вагонов к ним снарядов, три тысячи винтовок и два вагона патронов.

Были сорганизованы батальоны и отряды, и вооружены. Мы со дня на день ожидали момента, когда придется сразиться со своими «спасителями».

О нашей организации дошли вести в штаб Егорова, командующего крымским направлением. Последний вызывает меня в штаб в Федоровку (мелитопольского уезда). Я выехал в Федоровку. Пока я отыскивал штаб, который уже вместо Федоровки очутился на Волновахи, Гуляй-Поле было без боя сдано немцам.

В мое отсутствие к крестьянам и рабочим Гуляй-Поля была допущена делегация немцев и Центральной Рады, которая нарисовала крестьянам картину сожжения всех сел, кто будет сражаться против немцев, и крестьяне и рабочие согласились сложить оружие без боя. Они его сложили. Немцы и украинцы вошли в Гуляй-Поле.

Гуляй-Поле сдано! – разнеслось по всему району... Об этом быстро донесли и мне. Я вместо Гуляй-Поля принужден был повернуть на Таганрог.

В Таганроге я долго не задержался и направился в глубь России, где спустя месяц, полтора услышал о том, что немцы Центральную Раду вышвырнули из правительственного кресла. Ее заменил гетман.

Торжество гетманщины меня страшно бесило. Это торжество напомнило мне мое пребывание на каторге, сидки по карцерам и одиночкам, а временами и избиения.

Я сопоставил все мною пережитое с переживаниями под владычеством гетманщины украинского крестьянина и рабочего.

Это напомнило мне мою клятву, данную в гнусных тюремных стенах, вырваться на волю и всецело посвятить себя делу подлинного освобождения трудящихся не на торгашеских митинговых словах, а на деле.

В этот момент я упрекал себя за выезд из Украины. И тут же, не задумываясь и ни перед чем не останавливаясь, я собрал свои жалкие вещички и уселся на саратовский вокзал в поезд. Прибыл в Москву, мечтая через Курск быть на Украине. По пути, в уме, я уже выработал план похода против немцев, гетмана и всей возглавляемой ими буржуазии.

Эта мысленная подготовка возбудила во мне какую-то внутреннюю тревогу – тревогу, которую увеличивал каждый шаг моего скитания вне своего народа.

Вспоминая его, пусть даже наивное, но, во всяком случае, искреннее доверие ко мне во всех отношениях социально-общественного строительства, я чувствовал в себе беглеца от него.

И это чувство такой болью отзывалось во мне, что я давал временами себе слово трижды отречься от кружковой замкнутости, от своих убеждений, – хотя бы, если надо, и анархических, – и от всего того, что во имя их делал хорошего и во всеуслышанье сказать, что нет партий, нет групп, нет политических организаций, а есть кучки политических шарлатанов, которые, во имя личных выгод и острых ощущений на путях к достижению своих целей, уничтожают трудовой народ, но что этих целей без сплоченности, желаний и целостности трудового народа никогда не достигнуть.

В Москве я отыскал членов союза идейной пропаганды анархизма: А.Борового и П.Аршинова. С ними я поделился своими намерениями как можно скорее выехать на Украину, и с какими целями. На эту тему много между нами говорилось, и в особенности с Аршиновым. Порыв мой быть немедленно сейчас же на Украине немного остыл. Я на две-три недели решил задержаться в Москве. За это время я посетил ряд лекций анархистов, большевиков, эсеров. Кроме того, участвовал в заседании анархистов в гостинице «Флоренция» по вопросу о тактике борьбы на Украине против гетманщины и водрузившего ее немецко-мадяро-австрийского юнкерства.

Посетил съезды профессиональных союзов текстильщиков и других профессий.

Все вопросы и решения их на этих съездах меня, крестьянина, и радовали, и угнетали.

Радовали они меня оттого, что я видел в пролетариате сознание своих пролетарских интересов, свои стремления, свой пролетарский фронт в достижении тех или иных целей.

Угнетало меня именно то, что я в этом пролетариате, как классе, не видел его прямой воли при решении тех или иных вопросов.

Председательство пролетариата на этих съездах, разрешая те или другие насущные вопросы, хотя и делало это от имени своего класса, но волей политических партий, из которых каждая по-своему понимала и истолковывала пролетарские цели и обязанности в момент строительства социалистического государства.

А это, по-моему, во-первых, резко отмежевывало пролетариат от трудового крестьянства, без взаимного содружества, с которым в социалистическом обществе, не говоря уже в полусоциалистическом, полукommunistическом государстве, каким было в это время, государство большевицко-левоэсеровского блока, нормальной трудовая классовая жизнь быть не может.

Во-вторых, такое автоматическое подчинение пролетариата, как класса, каким бы то ни было политическим партиям отдает его в распоряжение этих партий на самое позорное глумление, как в духовном, так и физическом отношениях.

И вот, зарождается нездоровое мышление среди части городского пролетариата России и Украины: о необходимости своей – пролетарской государственной политической власти или ее диктатуры, во имя которой эта часть разбивает единство своего трудового организма, создает новые в мыслях рознящиеся пролетарские кадры; совершает поход и борется зачастую за то, что в будущем во имя Свободы вольного труда и равенства обездоленного человечества сама же будет отбрасывать в сторону. Благодаря этому во всех тружениках села и города закрадывается и развивается недоверие одних к другим.

Идеологи политического авантюризма это недоверие подхватывают и на нем строят свои партийные принципы, указывая этим труженикам, что, только следуя этим принципам, можно отыскать, понять и устранить причины этого недоверия.

Городской пролетариат, а также и трудовое крестьянство, потеряв свою целостность, – единство, из которого можно было черпать силу, поддержку, знание, поддаются на эту удочку. Они бросаются в объятия какой-либо из этих политических партий, и этим распылив свой трудовой фронт, обессиливают свою классовую мощь, за счет которой во всех отношениях все везде и всюду живут и наживаются и в то же время, кто хочет и как хочет повелевают.

Политические же партии считают такие явления в виду таких-то и таких-то причин (как они обыкновенно выражаются)... неизбежными, даже необходимыми.

В этом единственно может быть и кроется успех политических партий, которые упорно убеждают трудящихся, что последние без них, т. е. без политических партий, со своими аполитическими профессиональными союзами и кооперативами бессильны и неспособны оградить свою социальную жизнь от своих противников на политическом горизонте и ковать свое счастье на поле экономическом.

Политические партии серьезно не задумываются над последствиями своих действий и, увлекаясь сами, увлекают за собой и слепо доверяющиеся трудовые массы зачастую в омут такой сумятицы и неопределенности, которого и сами они не в состоянии ни понять, ни разрешить. Такое положение чувствовалось в июльские дни 18-го г. в России для большевицко-лево-эсеровского блока, когда с одной стороны Вильгельм II через своего посланника Мирбаха и через большевиков ставил препятствия развитию русской революции, а с другой стороны – пролетариат и крестьянство на всех своих съездах требовали для революции широкого простора.

Правда, благодаря этому блок дал трещину. Левые эсеры опирались больше на крестьянство, тогда как большевики и на пролетариат, и на крестьянство. Выиграли, конечно, большевики, ибо они остались у власти. Этот выигрыш слишком дорого стоил трудящимся не только России, но вообще всем трудящимся, которые так глубоко верили в чистоту принципов октябрьской революции.

Все это действовало на меня удручающе.

Я лишний раз убедился в том, что, подымая революцию, пролетариат прежде всего приносит пользу политическим партиям, зачастую во вред тем идеалам, во имя которых он подымал революцию.

Правда, таков исторический ход всякой революции, кроме подлинно социальной. Последняя только в своем стихийном беге сметает всякий авантюризм.

В период ее развития, политики со своей демагогией болтаются больше в хвосте, а те, которые идут совместно с массами, но не как повелители, а как друзья и советчики в рядах бойцов и как бойцы, зачастую погибают.

Когда я находился в Москве и посетил всероссийский съезд профессиональных союзов и ряд лекций таких представителей политического мира, как Свердлов, Ленин, Троцкий, М.Спиридонова, Камков, Рошин и другие, во мне еще сильнее заработала мысль и забурлила кровь – желанием быть на Украине.

Все взоры мои были направлены туда, чтобы совместно с народом в борьбе против немецко-мадяро-австрийских и гетманских сатрапов умереть или освободить Украину.

В душе поднялось властное желание путем воли и усилия самого народа создать на Украине такой строй жизни,
где бы не было ни рабства,
ни лжи, ни позора!
ни презренных божеств, ни цепей,
где не купишь за золото любви и простора,
где лишь правда и правда людей...

Такой строй я мыслил только в форме вольного советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников.

При посредстве съездов эти самоуправления устанавливают общий порядок взаимности между собой.

Создают свой учетно-статистический, распределительный и посреднический органы, вокруг которых тесно объединяются и при помощи которых в интересах страны и ее свободного народа гармонируют на поприще всестороннего социально-общественного строительства свою работу.

Над практическим осуществлением этого я часто задумывался. Волнуемый подобными мыслями, я 29 июня 18 года достал соответствующие украинские документы и выехал на Украину.

По пути следования к Украинской границе я много встретил знакомых из Украины. От них узнал, что дом моей матери немецкими и украинскими военными властями сожжен. Брат старший Емельян, который совершенно, как инвалид, не участвовал ни в какой политической организации, – расстрелян. Второй брат арестован и сидит в александровской тюрьме. Мать скитается по чужим квартирам.

Эта весть страшно на меня повлияла. Я душевно заболел. Я способен был возвратиться в Москву, но разум диктовал другое. Он напоминал мне ответственность перед тем, что я наметил и во имя чего еду на Украину. Я переборол свои чувства боли, подбодрил себя мыслью, что кому-либо нужно было и из моего рода умирать за освободительные идеи народа; но что смерть эта скоро ли поздно ли вызовет за собой взаимные смерти. И я тронулся дальше.

Путь тяжелый был; каждую минуту тебя ожидала смерть, почему приходилось маскироваться и до безумия «щырим гетманцем», и чем хочешь, лишь бы только быть на Украине, в тех самых селах, где тебя знают и ожидают.

Военная офицерская форма, погоны несчастного прапорщика, в такт фальшиво расшаркнуться и поклониться – все это мне помогло добраться в район Гуляй-Поля, но не жить, а только добраться и мигом пролететь мимо него. Здесь в окружности этого района я поселился и чувствовал, что я на Украине. Отсюда и началась организация под моим руководством крестьянского восстания.

Глава четвертая. ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ

Июль месяц 1918 года.

Я на Украине.

На тех самых широких степях, в веселых селах, среди того самого крестьянского населения, которое, до прихода Центральной Рады со своими могущественными сильными защитниками – немецко-мадяро-австрийскими армиями и до водружения последними царства гетмана Павла Скоропадского, – так смело и настойчиво заявляло о своем торжестве над несправедливостью царского режима.

А теперь...

Теперь я их встречаю согбенными, забитыми, изнуренными, подавленными в своих свободных мыслях и в смелых и чистых стремлениях, – встречаю немymi, безнадежными.

Да и то встречаю далеко не всех. Многие из крестьян были уже расстреляны или посажены в тюрьмы, где, во многих случаях, они также бесследно исчезали. Другие остались в своих ограбленных избышках, не раз подвергаясь избиениям.

У оставшихся в живых крестьян я уже не видел такого энтузиазма, такой сплоченности и веры в свои стремления к трудовой социальной независимости.

И казалось, что вся та организация повстанческих крестьянских групп, которую я со своими близкими друзьями – Лютым, Марченко и Каретниковым – уже начали и при помощи которой мечтали в известном районе поднять повсеместное вооруженное восстание крестьян против гетманщины, – казалось, что все наши начинания пойдут прахом.

Какое тяжелое охватывало нас разочарование.

Но, не желая поддаваться всему мерзостному, что творилось гетманщиной, а равно и сдаваться без напряженной борьбы, я предложил своим друзьям всецело отдаться тому, что уже было нами начато, а в будущем время и жизнь сами покажут нам свои плоды.

Друзья мои с этим согласились, и мы сразу же, оставив Гуляй-Поле, выехали по району.

II

В своей работе по подготовке восстания по району мы еще много раз натыкались на затруднения.

Но своей крестьянской упорностью, своим недальновидным, способным более переживать, чем критиковать, умом мы все эти затруднения переживали.

И вот, спустя месяц после начала нашей организационной работы, мы увидели в целом ряде сел и деревень среди крестьянских обществ

известный процент людей, которые по первому зову будут в наших рядах.

А спустя еще месяц, я получил от 32-х волостей александровского и части бердянского и павлоградского уездов сведения, что в каждой волости, по моему указанию, организованы инициативные группы, вокруг которых организуются повстанческие отряды.

Это еще больше укрепило во мне и в моих друзьях мысль о том, что нужно напрячь все силы и готовиться к открытому выступлению. А так как первым должно было выступить Гуляй-Поле, то мы сразу же и прибыли туда.

III

В Гуляй-Поле, до совета со всеми вооруженными, сидящими мирно по домам, крестьянами, мы решили сделать точную разведку в центре его и, если удастся, то взорвать австрийское командование, которое, по нашим сведениям, должно было скоро выехать из Гуляй-Поля, а между тем это командование расстреляло в Гуляй-Поле много крестьян. Поэтому-то и не хотелось выпускать его живым.

Для этого я лично переоделся в дамское платье и с товарищем Лютым пошли в центр Гуляй-Поля.

Там в расположении войск мы узнали, где что и кто помещается, и решили взорвать главное над гуляй-польским районом австро-венгерское командование, которое помещалось на соборной площади в доме Гельбуха.

Подойдя к этому дому, мы в комнатах никого не заметили, и направились поэтому к театру – разузнать, нет ли командования в театре.

В театре его также не оказалось.

Тогда мы вторично пошли к его помещению.

У входа в это здание, у ворот стоял часовой.

В комнатах окна были раскрыты; а в столовой, два окна которой выходили на площадку и через которые хорошо было метать бомбы, сидело много военных. Между ними сидели также женщины и дети.

По силе бомба должна была разнести не только людей – палачей украинского народа, но и стены этой столовой.

Мы долго ходили по тротуару и думали: «за что же должны будут сейчас погибнуть среди этих палачей женщины и дети, которые роковой судьбой очутились в эту минуту за столом этих непрошенных хозяев?»

Эти мысли нам, и особенно мне, не давали покоя, так как я прекрасно сознавал, что всякий политический террористический акт должен служить агитацией. Невинные же жертвы, не заслужившие смертной кары, противоречат этим принципам.

Это заставило нас уйти из центра Гуляй-Поля на свои нелегальные квартиры, оставив немецкое командование в покое.

На другой вечер собралось нас человек двадцать вооруженных карабинами, и мы еще раз пошли в центр Гуляй-Поля с целью взорвать это командование, но по пути поймали голову державной варты и несколько вартовых; но так как среди схваченных вартовых был также и наш человек, который был послан нами на эту должность с известной целью, мы принуждены были их всех отпустить.

Однако, произведенный шум заставил немецко-австрийское командование устроить облаву по Гуляй-Полю.

Отложив выступление, мы выехали в район под Синельниково.

В районе еще раз условились с несколькими своими повстанческими организациями о выступлении и 22 сентября 1918 года мы, взяв 7 человек из организации деревни Терновое, пулеметы системы Максима и Льюиса, сели на тачанки и в 12 часов дня выехали по дороге через Лукашево на Гуляй-Поле (около 90 верст расстояния).

Проехав верст 25, подъезжая к Лукашеву, мы встретились с конным отрядом и, подпустив его на 70 шагов расстояния, скомандовали сдаться. Отряд схватил винтовки с плеч и взял их на изготовку.

Наш пулемет открыл огонь, и отряд сдался.

Разоружив его, мы узнали, что это отряд уездной варты под командой поручика Мурковского объезжает район.

Мы также назвали себя карательным гетманским отрядом, присланным из Киева по приказанию гетмана навести в бунтарском александровском уезде порядок.

Доказательством этого на мне была военная форма с погонами капитана. Командир разоруженного отряда этому очевидно поверил и рассказал мне, где, в каком селе и какие стоят немецкие и гетманские карательные отряды.

В конце концов я ему, командиру, и всем его подчиненным заявил, что я революционер Махно. – «Вы не бойтесь, я вас расстреливать не намерен. Вы ведь не отстреливаетесь». Заявление, что я – Махно, всех людей этого отряда по-видимому обеспокоило, и они бросились ко мне с просьбой: – «Едемте, Махно, к нам; мое имение вон там-то; там, сколько хотите, получите от нас денег».

Услышавши это, я приказал всех их расстрелять, как подлых людей, способных в любую минуту при других обстоятельствах казнить своих идейных классовых врагов, а сейчас, когда попались им в руки, хотят их честь подкупить.

Приказание было исполнено. Отряд был расстрелян. После чего мы некоторые тачанки оставили в хуторах, а сами сели на их верховых лошадей и поехали в Гуляй-Поле.

IV

В Гуляй-Поле нам остановиться не пришлось. В нем было полно немецких войск. Поэтому мы остановились в с. Марфополь, близ Гуляй-

Поля. Отсюда был послан человек в Гуляй-Поле с запросом, готовы ли гуляй-польцы к наступлению. Ответ был, что мое личное присутствие в Гуляй-Поле необходимо.

25 сентября я готовился к выезду в Гуляй-Поле, но австрийцы и гуляй-польская варта меня предупредили. Они, по обыкновению, во всем гуляй-польском районе делали на неделю два-три раза обыски у крестьян, ища оружия, неблагонадежного элемента и т. п., и как раз налетели на наше расположение. Мы успели, однако, запрячь лошадей в тачанки с пулеметами и выскочили за деревню. Лошади же верховых, седла, одежда все это осталось на квартире. Пока австрийцы, немцы и вартовые копались в нашей одежде, мы пришли в себя, я успел дать распоряжение нашим разбежаться по дворам, а сам с пулеметом и его первым номером повернулся прямо к бежавшим за нами, человек 12-15 австрийских солдат. Подпустив их на 8-10 саженей к тачанке, пулеметчик их в упор частью расстрелял, а частью обратил в паническое бегство; тех же, кто был во дворах, наши порасстреливали.

Сами, забрав все, что оставалось на квартире, быстро выехали в поле. Моментально об этом дано было знать в Гуляй-Поле. Немецко-австрийские войска из Гуляй-Поля прибыли в Марфополь, расстреляли хозяина, где я стоял на квартире, взяли с деревушки несколько сот тысяч контрибуции за убитых и возвратились обратно в Гуляй-Поле.

Само собой понятно, что как мы, так и крестьяне этого им простить не могли.

Я спустя сутки времени с несколькими гуляй-польцами ночью въехал в Гуляй-Поле, которое немецко-австрийские войска покинули, оставив лишь роту свою и человек 80-100 вартовых.

А на другую ночь я собрал человек 400 вооруженных крестьян, и мы выгнали из Гуляй-Поля и остальных, народом не признанных, блюстителей законности.

V

Держа в своем распоряжении почту, телефонную станцию и станцию Л.Ж.Д. и оградив себя дозорами и разъездами, мы поспешили выпустить воззвания к крестьянам – одно в 20 000 экзempl., другое в 7000, призывая восставать и бить своих врагов немцев, австрийцев и всевельможного гетмана Скоропадского. Эти листовки через крестьян были доставлены всем раньше нами организованным по селам инициативным повстанческим группам. На районе тоже повстанцы начали атаковать немцев, австрийцев и гетманцев.

Это был первый открытый народный протест против своих насильников.

Но пока мы организовывались в Гуляй-Поле, немцы, австрийцы и гетманцы также не спали. Они – один из Полог, другие из Рождествен-

ки и Покровского – непрерывно по телефону вызывали гуляй-польский революционный повстанческий комитет и вели с нами переговоры относительно входа их войск в Гуляй-Поле.

Если немецко-австрийское и гетманское командование считало необходимым нас своими переговорами задержать в Гуляй-Поле умышленно, с целью обложить Гуляй-Поле и взять меня в нем, то не менее важным мы считали со своей стороны продлить эти переговоры. И поэтому мы со своей мужицкой сметкой водили два дня за нос немецко-австрийских и русско-украинских гетманских все предвидевших генералов, доказывая им, что вход в Гуляй-Поле немыслим, так как мы против них поставили у стен Гуляй-Поля прочный фронт, и это вызовет лишние жертвы.

И пока они все это проверяли, мы сумели себя оградить всем на будущее и были уже готовы ко всякому их обложению и наступлению. Мы были готовы, чтобы сняться и проделать своей легкой, боевой и неуязвимой частью рейс по местам наших организаций.

VI

29 сентября я говорил по телефону с командиром немецких войск, находившимся в подлогах, последний, желая меня поймать, все время держал меня у телефона, а сам пустил поездом к нам войска окружить Гуляй-Поле.

Об этом мне сообщили со станции, и я сейчас же выскочил им на встречу с 13-18 бойцами и двумя пулеметами (остальных 300-400 человек я разослал по домам, чтобы на случай неудачи не умертвить главное повстанческое ядро). Подпустив поближе движущиеся колонны противника, мы обстреляли их метким пулеметным огнем, и этим заставили их развернуться боевым фронтом.

Этим временем мы снялись и переехали через Гуляй-Поле. По пути переезда к нам присоединилось еще несколько десятков человек. Закрепившись на одной стороне Гуляй-Поля, а всецельные непобедимые войска на другой, мы до ночи обстреливали друг друга. Ночью мы отъехали от Гуляй-Поля на 35 верст в село Больш.-Михайловку (Дибривки), где и остановились.

Здесь я от крестьян узнал, что в Дибривском лесу имеется повстанческий отряд под командой Щуся. По объяснению моего помощника С.Каретникова, он Щуся знает еще с весны 18 г., ибо он был в моем отряде, боровшемся против Укр. Центр. Рады. Тогда я послал в лес двух своих бойцов с запиской Щусю – разыскать его и привести одного-двух человек ко мне, что и было бойцами исполнено.

Щусь вывел отряд из блиндажей (лесных прикрытий) на поляну леса, где и встретили меня. Сам Щусь в полной парадной немецкой военной форме, облегающей его стройную фигуру, вооруженный с головы до ног, был бодр и отважен. Отряд также был одет в чистенькую во-

енную форму, но разнообразно. Хорошее вооружение придавало ему боевой вид.

На вопрос мой, что товарищ Щусь до сих пор делал с этим отрядом и что предполагает в будущем делать? – последний ответил: – все время делал налеты и убивал помещиков, которые возвратились в свои усадьбы и которые с немецкими, австрийскими и гетманскими войсками разъезжают по селам и карают за землю крестьян.

Это для меня, очевидца этих кар, о которых Щусь говорил, было так ясно и понятно, что противоречить или советовать ему что-либо я не мог; теперь же, повидав Щуся лично, а еще больше узнав о нем от своих друзей, я страшно не хотел, чтобы этот по натуре своей, по мужеству и отваге славнейший человек так безумно сгорел в неорганизованной борьбе.

Я попросил его только выслушать мой совет: наша организация намерена организовать повстанческое крестьянское восстание против гетмана и немцев. Я просил его броситься в эту бурю с великими общими, определенными целями, совместно с народом – именно трудовым народом и за народ. Это даст нам нравственное право поднять свой карающий меч против всех тех, кто угнетает народ и стремится своим мечем истребить нас. Совместно руководимые желанием трудового народа, мы, как сыны его, ринемся в открытый бой с нашими врагами.

Товарищ Щусь долго слушал меня, затем обнял, поцеловал и сказал: «Я пойду с тобой». Мы тут же посоветовались с ним о выводе его людей из леса в село, чтобы организовать всех крестьян с. Дибривки. Он выстроил людей своих, поговорил с ними, и мы вышли из леса. У села оба отряда встретились и тут же были слиты в одно нераздельное целое ядро одной, сильной духом и волей боевой единицы, которой и предполагалось сделать решительный открытый рейс по левобережной Украине с целью дать знать всем нашим подпольным организациям о времени выступать на борьбу с врагами повсеместно.

Сюда же, в с. Дибривки, мне донесли из района Синельникова, что из некоторых сел в этом районе, под давлением реакции, отряды наши выступили и ведут успешную борьбу с немцами и гетманцами.

Эти вести воодушевили крестьян из села Дибривки, и мы открыли записи добровольцев, пока только, – кто с оружием.

В это же время мы спешно готовились пролететь по Мариупольскому уезду: подготовить крестьян этого уезда, так как здесь не было слышно ни о какой организации.

VII

Наряду с нашей организацией крестьянского восстания против гетманцев и немцев, Деникин также через своих агентов в спешном по-

рядке организовал кулаков, помещиков, немцев-колонистов и вообще шатающихся без дела прохвостов против всякого народного освобождения за «единую неделимую».

Уже многие его отряды в 20 и 30 человек разгуливали по селам и деревням, приобщая народ к возврату к старому. Многие из этих отрядов под именем гетманских отрядов сносились с немецко-мадяро-австрийскими частями и от последних получали оружие, патроны и другое снаряжение.

(Хотя гетманские и деникинские отряды по своей сути одно и то же... Они в действиях против большинства народа так представлены были, что отделить трудно).

В октябре месяце 18-го года в Бердянском уезде уже открыто выступил прославившийся своими пытками и расстрелами Дроздовский карательный отряд. В Мариупольском – отряды Шарапова и Филатова. Со стороны Дона поглядывал генерал Май-Маевский со своими соратниками Виноградовым и Шкуро. Правда, эти поглядывали только, облюбовывали эту часть украинской земли, усыпанной тысячами помещичьих усадеб, немецкими колониями и богатыми хуторами. Здесь они на будущее предвидели свою почву, а пока главной базой их операции оставались Дон и Кубань.

В Мелитопольском уезде, под покровительством гетманщины, что-то творилось агентами генерала Тило.

Это меня и всех моих друзей из нашей организации, не имеющих за собой кроме брата мужика, ни оружия, ни патронов, ни каких бы то ни было денежных средств, очень беспокоило. В деникинской военной организации мы видели одного из серьезнейших врагов народа. Его организацию ни в коем случае нельзя было сравнивать ни с организацией тщедушной гетманщины, ни с «преславнейшими нашими спасителями» – немецко-мадяро-австрийской организацией.

И временами нам казалось, что все наши начинания борьбы за волю и право трудящихся будут похоронены вместе с нами. Мы в своем организационном бессилии позорно принуждены будем отдать себя на самую подлую смерть врагам.

Но факел уже был зажжен. Восстание во многих селах началось. И началось под нашим влиянием и с нашим девизом: «Жить свободно – или умереть в борьбе». Кровь полилась.

Нам, организаторам этого пожара, если только мы были честны в своих намерениях, оставалось одно – во всеуслышание открыто и честно сказать: «так пусть же сильнее грянет буря». И, сказав это, броситься всем своим сердцем, всей душой и разумом, всем, что у нас было наисвятейшего, в ураган этой бури.

Глава пятая ДИБРОВСКИЙ БОЙ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕГО

I

Был вечер 30 сентября 1918 года. Я помещался в волостном правлении с. Дибровки. До позднего вечера я проводил крестьянский митинг, до поздней ночи писал приказы отрядам, действовавшим на стороне, и, разослав их крестьянами, только в час ночи освободился и улегся на столы волостного правления уснуть.

Мои товарищи Щусь, Марченко и Каретник, уйдя к повстанцам поужинать, там же вместе с ними спали.

Мой личный адъютант находился в волостном правлении в другой комнате от меня. Не успел я задремать, как адъютант стуком в дверь моей комнаты разбудил меня. Слышу – ружейная и пулеметная стрельба. Вскрываю, открываю дверь, спешно одеваюсь и тут же узнаю, что со стороны Покровского и Ново-Успеновки на Дибровку наступают. Стрельбу открыли наши заставы № 1 и 3.

К этому времени к волостному правлению сбежались все бойцы.

Во дворе правления стояло много тачанок с лошадьми. Противник перевел огонь одного пулемета на волостное правление, вследствие чего много лошадей наших было убито. Увидя это, я сделал распоряжение выхватывать из двора тачанки на руках и лошадей запрягать в них под прикрытием здания волправления.

Противник назойливо наступал на большой мост через реку Волчью, но наша застава успешно его отбивала.

Кто был этот противник, для нас пока не было известно. Предположение двоилось: или австрийцы или немцы-колонисты и помещичьи карательные отряды. И поэтому, когда лошади в подводы были запряжены, мы быстро сняли заставы и отправились в лес.

Жуткая картина при этом отступлении рисовалась перед нами: по улицам села выскакивали из дворов и бегали крестьяне и крестьянки с детьми, плача, и умоляли нас: «Не покидайте села, общими усилиями мы это наступление отобьем». Но, не выяснив, какие силы противника, из кого они состоят, мы задерживаться не могли и маленькой рысцой направились прямо к воротам леса (с. Дибровка, оно же Б.Михайловка, расположено над Дибровским лесом). В это время наступающими был зажжен возле этих ворот крестьянский дом. Пламя пожара освещало площадь перед лесом, а из самих ворот был открыт по нас пулеметный огонь.

Мы бросились в другую сторону леса.

Здесь, прежде чем пропускать подводы в лес, я спешил человек 30-35 наших бойцов и поставил их угольником на случай обстрела нас со стороны леса или из-за Волчьей, чтобы сбить этот обстрел и таким образом дать возможность войти обозу в лес.

Едва успел крикнуть – Щусь, давай обоз! – как со стороны леса был открыт по нас меткий ружейный огонь. Я лег и крикнул – взвод, огонь! и одновременно выстрелил из своего карабина; но услышал я только свой выстрел, взвода возле меня не было. Он весь убежал в улицу под прикрытие домов, где стоял обоз и остальные бойцы. Я также приподнялся и перебежал в улицу. Противник не прекращал обстреливать подход к лесу. Приближался рассвет. Бойцы волновались.

Я быстро установил пулемет по направлению стреляющих. Сам взял эти 30-35 бойцов, спустился через канаву в лес и одновременно, – пулемет с одной стороны, а я с бойцами с другой, – открыли огонь по противнику. Вскоре, благодаря этому, проход в лес нами был занят. Противник, поспешно отступая, оставил нам несколько подседланных верховых лошадей, к деревьям привязанных. По лошадям мы узнали, что наступают помещики дибривского района, но не знали только, сами ли или же при поддержке мадяро-австрийцев.

После тов. Щусь с частью бойцов направился к своим блиндажам, а я с частью пошел лесом к тем воротам, где горел дом и откуда нас обстреливали из пулемета.

У ворот противника уже не было. Он вступил в село. Крестьяне мне сейчас же донесли, что в село вступил батальон австрийцев, кроме того много варты, помещиков и крупных собственников. Я послал в село своих разведчиков, дав им задачу точно узнать, как и где расположены эти войска.

Одновременно вызвал из блиндажа Щуся со всеми людьми к воротам. С прибытием Щуся в воротах, прибыла и моя разведка из села, которая донесла, что в селе стоит человек пятьсот австрийцев, около 100 человек помещиков и крупных собственников и человек 80 гетманских вартовых. Все они расположены на церковной площади села и чего-то суетятся.

Я предложил Щусю наступать на село. Он высказался против. Тогда я обратился с речью к бойцам и крестьянам, которых также много из села вышло с нами. В речи я резко подчеркнул, что лучше умереть на глазах народа в неравной схватке с его врагами и этой смертью показать ему, как сыны его умирают за свободу, чем ожидать здесь в лесу, пока стянут войска буржуазные сатрапы и уничтожат нас. С этим согласились все присутствующие. И тут, у ворот Дибривского леса, эти присутствующие мне сказали: «Отныне ты наш батько, и мы с тобой умрем».

После этого я дал тов. Щусю задачу идти с частью бойцов при одном пулемете сист. Максима в обход. Сам я с остальными, при одном пулемете Люис, тихо пошел через огороды, дворы и заборы цепью в наступление.

Крестьяне, крестьянки и их дети всюду во дворах и на улицах встречали нас и плакали, не пуская, приговаривали: – куда вы идете, их

багато, вы загините. – Крепясь сердцем и заглушая тревожные мысли, я со своими бойцами дошел до последней улицы перед церковной площадью. Здесь я еще раз подготовил бойцов к этому безумно-отважному налету.

II

Расставив цепью бойцов, я сам подполз ближе к площади, на которой лежали австрийцы, стояли пулеметы, метались из стороны в сторону с винтовками и централками за плечами помещики, крупные собственники и вартовые. Я выяснил для себя, когда и откуда наилучше ударить на незваных пришельцев и когда получил известие, что Щусь уже у назначенного места, я подал команду – огонь! Стреляли по противнику на расстоянии 80-100 шагов, и огонь наш был настолько меток, что австрийцы не успевали стрелять.

Увидев это, я крикнул бойцы – в атаку! Ура! – И мы все, как один, бросились в атаку.

В это время Щусь с противоположной стороны открыл пулеметный и ружейный огонь.

Австрийцы бросились в паническое бегство по дороге на с. Покровское, оставив нам два пулемета, 22 подседланных лошади, бричку патронов и массу винтовок. Помещики, крупные собственники и вартовые бросились через дворы и, убегая, зажигали крестьянские дома и солому.

Село Дибривки заворошилось, точно муравейник: крестьяне выскакивали с вилами, косами, топорами и ружьями и беспощадно убивали австрийцев, вартовых и помещиков.

Таким внезапным и смелым налетом мы выбили из с. Дибривки этих непрошенных пришельцев-убийц и преследовали до с. Покровское.

Много пленных привели бойцы с поля битвы. Помню – крестьяне так были увлечены в этот бой, что не обращали никакого внимания на то, что 9-10 дворов, зажженных отступавшими, уже почти догорали. Они все почти были за селом и каждого пленного хватили у бойцов; и, убивая, приговаривали: «колы мы вже вас здыхаємося».

Помню – возвращаясь с боя, я с трудом отстоял 20-25 австрийских солдат, среди которых много было галичан-украинцев, и которых крестьяне уже раздели и избивали.

Их пришлось накормить, перевязать и под конвоем вывезти за село на ст. Просяную.

Вартовых же всех было приказано расстреливать, как подлых лакеев гетманской буржуазии.

III

Наступил вечер 1 октября. С необыкновенным подъемом я провел крестьянский митинг, после которого наши ряды пополнились вдвое.

С этих пор из села Дибривки слова: «Батько Махно» передавались во все стороны из уст в уста самими крестьянами. Отсюда крестьяне, крестьянки, их дети слово «батько» передавали с неожиданным для меня самого уважением и любовью во все деревни и села Украины. Оно же подхватывалось и всеми отрядами. С этих пор и пришлось подписываться на всех воззваниях и официальных бумагах вместо Махно – батько Махно.

– А хорошо ли это? – задавал я иногда себе этот вопрос. Но ответа на него не находил.

Мои друзья уговаривали меня, что так привыкли называть меня в народе. Это успокаивало меня.

IV

Ночь с первого на второе октября прошла спокойно. Каждый из нас ложился и вставал с каким-то приподнято-напыщенным чувством победителей.

На следующее утро нам нужно было выезжать. Но ввиду того, что со всех концов района приходили добровольцы-крестьяне и записывались в отряд, выезд был на два дня отложен.

Поэтому поутру я сам выставил наблюдателей. Затем взял с собой прапорщика Петренко, как военного и знающего хорошо лес, и выехал с ним на всякий случай осмотреть, – удобна ли позиция. Отъезд этот занял у меня около трех часов времени.

А когда я возвращался обратно в село, то по пути встретил отряд свой, который мчался во всю рысь в лес.

Здесь я узнал, что со стороны села Покровского движется много кавалерии и пехоты. Каретник, Щусь и Марченко с двумя пулеметами и кавалерией выехали на встречу, но, заметив силы противника, сейчас же возвратились в лес.

К этому времени австрийцы, установив батарею, открыли по селу Дибривки огонь, в одно и то же время бросив один батальон пехоты на село, а два при 200-300 кавалерии – на обхват леса.

На помощь им со всего Дибривского и Больше-Янисельского районов потянулись немцы-колонисты, крупные собственники, помещики и вартовые со своими мелкими отрядами. Тянулись они бесконечными вереницами с необыкновенным воодушевлением и радовались, что теперь именно, в Дибривском лесу, возьмут и Махно, и Щуся. Отряды эти тоже рвались к лесу, беспорядочно обстреливая его.

Но мы заняли позиции с двух сторон, которые были неподступны потому, что их отрезывали реки Каменка и Волчья.

Регулярные австрийские части несколько раз пытались нас с этих позиций выбить, но нам легко удавалось заставлять их отступать или же ложиться и молча, притаившись, лежать.

День спускался к вечеру.

Село Дибривки зажжено и горит. Крестьяне – на подводах, верхом на лошадях, пешие – из села разбегаются во все стороны.

Австрийцы одних заворачивают, других расстреливают, а третьих просто раздевают и, отобрав лошадей, бросают в поле.

Прибежавшие в лес из села, крестьяне рассказывают, что дворов целых в селе не останется; его специально, по всей вероятности, приехали сжечь, так как по улицам ходят из двора во двор и зажигают.

Зажигали его все: и помещики, и немцы-колонисты, и вартовые. Не оставались без участия в этом гнусном деле и регулярные австрийские части.

Солнце зашло. Наступили сумерки. Но от горевшего села Дибривок лес освещался, точно днем.

Батарея перевела свой огонь из села на лес.

Я узнал от т. Щуся, где наилучший выход из леса и, посоветовавшись с ним, сделал распоряжение сняться всем с позиции и тихо выезжать вдоль реки Каменки на с. Гавриловку (расположенное в 12-15 верстах от Дибривок).

Крестьян и крестьянок, которые оставались в лесу, мы просили не падать духом. Мы говорили им, что все, что сейчас враги наши творят в селе Дибривки, – завтра или послезавтра обрушится на них.

Крестьяне многие говорили: «Пусть сгорит все наше в селе, лишь бы вы остались живы. Мы надеемся, что все же мы победим».

Из леса мы выехали благополучно, без всяких поражений.

Село Дибривки все сильнее и больше охватывалось огнем, и путь наш до села Гавриловки освещался словно днем.

V

Артиллерийский обстрел леса не прекращался. Гул его доносился к нам и этим напоминал нам кошмар, переживаемый крестьянами-дибривцами.

Село Гавриловка было все на ногах. Въезжая в него, мы говорили крестьянам, что мы – губернская державная варта и тут же спрашивали: – Не бежали ли здесь банды Махно и Щуся? – На что получали ответ:

«Мы таких банд не знаем и не слыхали». И в свою очередь спрашивали нас: «А что это по направлению Дибривок горит, и что за стрельба оттуда слышится?»

И когда мы им объясняли, что это мы зажгли с. Дибривки за то, что они, дибривчане, бунтуют против нашего гетмана и наших союзников

немцев и австрийцев, спасших нашу Украину, то некоторые из крестьян восклицали: «Ага, так им и надо! Там где-то и наши сыновья поехали им отомстить, а то они – эти дибривцы – организовались, и им ничего не сделаешь». Другие же, понуриив голову и тяжело вздыхая, спрашивали: «Да неужели сожгли всю Дибривку?..»

После долгих объяснений мы узнали, что злорадно восклицавшие: «ага, так им и надо!» – были крупные собственники, сыновья которых находились в карательных отрядах и сейчас были в с. Дибривках.

Поэтому было сделано распоряжение все дома этих собственников сжечь.

Из Гавриловки мы переехали через Ивановку в одно из помещичьих имений, где и остановились на отдых.

Хозяевам экономии было заявлено, чтобы они никуда из экономии не выходили. Сами мы зарезали быка, и кто готовил завтрак, а кто улегся спать. Было утро. Солнце чуть-чуть подымалось в направлении с. Дибривок. Зарева уже не было видно. Но черные клубы дыма еще закрывали синеву неба, и это напоминало нам вчерашний день.

Я долго думал о нем, но в конце концов от страшной усталости уснул.

Спустя некоторое время меня разбудили и доложили, что наши разведчики привели из села Андреевки (Клевцово) тачанку с тремя вооруженными немцами-колонидами, ехавшими из села Дибривок. Их ввели ко мне. На вопрос мой: «Вы, бандиты, где были?» – я получил ответ: «Мы не бандиты; мы бандитов ездили бить».

От них я узнал, что они ездили в село Дибривки ловить Махно и Щуся, но что им этого из-за трусости австрийцев не удалось; но зато село Дибривки все сожгли, как они говорили. Я долго с ними беседовал на эту тему. И они, считая, что говорят с начальником отряда губернской державной варты, каким я им представился, подробно мне описали, как расстреливали и избивали крестьян, как жгли дома, как быстро и сильно загорелось все село, и как еще продолжает гореть. Все это я, скрепя сердце, выслушал и затем сказал, что это хорошо, так только и можно проучить непокорных крестьян и заставить уважать пана гетмана и его законы.

– Да-да! – подхватили немцы-колониды. Но когда я сказал им: «Спасибо за ваши новости; они для меня очень важны; они, ваши новости, говорят, как я, Махно, должен с вами поступить сейчас», и когда я подозвал к себе Щуся и показал им его, – они остолбенели. И затем уже, когда я сказал, что народные убийцы не должны бояться кары, – хотя бы она выражалась смертью, – немцы-колониды видимо пришли в себя и заявили мне: – Мы пойдем с вами и будем верно служить вам.

Я лично не мог дальше опрашивать их. Я схватился руками за голову и, убегаю от них, неистово плакал.

Меня не интересовала ни их смерть, ни жизнь. Я видел в них подлых людей и старался больше не видеть...

VI

Мысли мои были в селе Дибривки. И я, точно помешанный, ходил по двору экономии, устремив свой взор в направлении этого села, из которого поднимались черные клубы дыма, застилая собой все небо.

Во мне что-то страшное подымалось, и я испугался сам себя. Это заставило меня поспешить увидаться с кем-либо из близких мне людей.

Я направился к помещению, где прежде отдыхал. По пути встретился с тов. Каретником, который шел доложить мне, что разъезды поймали еще несколько тачанок с немцами-колонистами и собственниками хуторянами; что все они были вооружены, говорили то же, что и первые, ввиду чего их казнили. Ничего не ответив на это, я приказал, чтобы объявили всем приготовиться к отъезду.

В задачу нашу входило, как можно скорей объехать села и местечки уезда и проинформировать крестьян о том, что австрийцы и гетманцы сделали с селом Дибривки.

При выезде из имения наши разъезды привели еще одну тачанку с 4-мя вооруженными немцами-колонистами. С ними же сидел и один крестьянин с. Дибривки, которого колонисты в чем-то заподозрили и взяли с собой в колонию для пыток.

От этого крестьянина мы подробно и более или менее верно узнали, что сделано с Дибривками, и кто все это сделал. Больше всего жгли, свирепствовали и расстреливали в с. Дибривках немцы колонии «Красный кут» и хуторяне «Фесуны» и «Хомычи».

Записав все это, мы выехали по своему маршруту.

VII

Спустя три дня, мы приблизились к колонии «Красный кут». Было решено взять ее.

– Колония эта хорошо вооружена, – говорили крестьяне соседних с нею деревень.

Ровно в 2 часа дня 5-го октября мы эту колонию оцепили и заняли без выстрела. Сразу поймали 21 хозяина и разоружили. Остальные хозяев 40 еще не возвращались из с. Дибривок. Пока мы собирали и свозили оружие к себе, нам попались еще несколько человек, приехавших из села Дибривок. Отобрав оружие и выслушав рассказ об их злодеяниях в Дибривках, мы их всех расстреляли.

Колонию собственников-хуторян «Красный кут» мы, кроме школы, сожгли. Затем выехали на другой хутор собственников, жегших Дибривки, – «Фесуны», который мы также сожгли. Затем мы направились в Гуляй-Поле.

По пути мы встретили возле имения помещика Гизо самого Гизо, при обыске у которого в кармане оказался револьвер и фотографичес-

кая карточка Щуся. Помещик Гизо, когда зажигал дом матери Щуся, снял со стены эту карточку и взял с собой. Само собой понятно, что и бойцы, и сам Щусь не могли простить Гизо. Они его только спросили, где он ее взял, и, получив ответ – «в доме Щуся», – расстреляли.

Отъехав отсюда верст 15-20, мы остановились в именин Серинова (что в 7 верстах от села Дибривки) на отдых.

VIII

Проездом мы, – я и Щусь, – взяв с собой несколько всадников, заехали в с. Дибривки, где при въезде, кроме попов и самой незначительной кучки крестьян, шедших с крестом, хлебом и солью в руках из лесу, чтобы встретить нас, мы никого не видели.

Кругом виднелись одни черные развалины да закопченные стены крестьянских домов.

Изредка по улицам пробегали теленок, свинья или собачонка, которые, вероятно, не дали поймать себя.

Население же почти все было в соседних селах; а кто вернулся домой, тот сидел, понутив голову, задумчиво и печально в полуразрушенных стенах сожженных своих домов. Здесь мы точно узнали, что домов сожжено 608. Ограблено все село; количество расстрелянных еще не было выяснено.

Это вызвало внутри каждого из нас еще более острое чувство мести к своим врагам.

Из Дибривок мы обратно возвратились к своим частям.

Наш рассказ о том, что сделано с селом Дибривки, так взволновал бойцов, что они все, как один, плакали и умоляли: «Веди нас, батько, на врагов; мы отомстим».

Видя такое настроение, я глубоко верил, что пусти сейчас этих двести-триста человек на любой австро-венгерский или немецкий полк, они разнесут его. Не говоря уже о варто-гетманских частях или о карательных помещичьих отрядах.

Но я так же хорошо знал, что цель нашей борьбы – не резать, не рубить, а победить своих противников.

Поэтому, посоветовавшись с товарищами по организации восстания, я распорядился по штабу издать приказ отрядам, чтобы отныне ни один немец колонист, собственник хуторянин или помещик никем не расстреливался без моего и штаба ведома.

В задачу революционно-повстанческих отрядов имени батько Махно (как они в это время себя называли) входило: как можно больше собрать у наших врагов оружия и денежных средств и поспешить вооружить революционных крестьян известных нам районов. А поэтому, вменялось всем отрядам в обязанность следующее:

1) Каждый отряд, вступая в немецкую колонию, хутор или имение, в первую очередь, собирает (командир) всех хозяев колонии, выясняет

вместе с ними их состояние, накладывает на них денежную контрибуцию и объявляет сбор оружия.

2) За каждую винтовку с десятью патронами три тысячи из контрибуционных денег вычитывается в пользу хозяев, сдающих оружие.

3) Если хозяев, желающих сдать оружие, не оказывается, вменяется командиру отряда в обязанность под самую строжайшую ответственность подвергнуть имение, колонию или хутор самому тщательному обыску.

И если при обыске оружие обнаружено не будет, – оставлять хозяев в покое, в противном же случае расстреливать.

4) Необходимые для подвод и всадников лошади берутся у упомянутых хозяев по принципу: у кого свыше пяти штук, – без возмещения, и у кого меньше или пять, – с возмещением.

5) Тачанки берутся безвозмездно.

6) Все активные, вооруженно выступающие против нашего освободительного движения, считаются злейшими врагами трудового народа и, смотря по их социальному положению, могут быть расстреливаемы командирами отрядов на месте их действий. Дабы не случилось в этом ошибок, лучшим и справедливым судом в таких случаях должен быть опрос крестьянских сходов тех сел или деревень, где жил и попадаетеся противник.

Когда этот приказ был разослан отрядам и пояснен тому отряду, который находился при мне, мы сразу отложили наступление на Гуляй-Поле и направились в мариупольский уезд собирать по хуторам и немецким колониям оружие.

В течение недели мы собрали массу винтовок, шашек, тысяч 500 денег и попутно организовали целый ряд небольших отрядов.

Через ст. Маерское мы направились в Гуляй-Поле. По дороге под старым Керменчиком мы наткнулись на батальон австрийцев и хорошо потрепали его. Под Темировкой другой австрийский отряд потрепал нас. Но это нас не страшило, так как то и дело приходили к нам донесения от разбросанных наших отрядов о новых транспортах отобранного у немцев оружия.

Наши отряды увеличивались, росли и развивались.

Нам оставалось только позаботиться занять Гуляй-Поле, чтобы поставить на месте главный военный центр для всех повстанческих отрядов и как следует развернуться в своих операциях.

В средних числах октября месяца 18 года мы в бердянском, мелитопольском и александровском уездах разогнали всех помещиков, в первые дни революции бежавших из своих имений, а затем под охраной немецко-мадяро-австрийских банд возвратившихся, и заняли Гуляй-Поле...

Именно из Гуляй-Поля и началась серьезная боевая подготовка моя против Деникинщины.

Глава шестая ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

I

Еврей, вздохни свободно. В дни царства Крушевановых, Пуришкевичей и Марковых вторых ты не раз был принужден покидать свои мирные лачуги и долгие годы скитаться вдали от родины без крова, ласки и утешения. Ты изнемог. Вздохни и будь свободным, как и все народы. – С такими словами в 1917 году на многотысячном митинге на соборной площади села Гуляй-Поле я обратился к евреям, когда меня во время речи из толпы спросили: – А как вы, Нестор Иванович, смотрите на жыдив, что вместе с ними заседают в президиуме общественного комитета. (Общественный комитет села Гуляй-Поле в своем представительстве был всесторонен, а потому всегда отстаивал право участвовать в нем каждой организации, почему и еврейская община имела в нем своих представителей).

И я своих слов не забыл. Я не отрекся от них, как Петр от Христа. Когда я видел, что на пути моей ответственной революционной работы эти слова не оправдывались, когда свобода и жизнь еврейства насилывалась, я всех насильников уничтожал.

В доказательство вышеизложенного приведу следующие факты:

Был декабрь месяц 1918 года. Имея в своем распоряжении несколько тысяч хорошо вооруженных крестьян и рабочих, я занимал гришинский, цареконстантиновский, бердянский и мелитопольский боевые участки против деникинцев. Одновременно с этим у меня завязался ожесточенный бой с частями украинской Директории в Екатеринославе. Находясь при своих частях в Екатеринославе, получаю телеграмму из главного своего штаба в Гуляй-Поле, которая гласит, что на днях в Гуляй-Поле прибыл вновь организованный отряд Метлы. Штабом этот отряд был направлен на цареконстантиновский боевой участок в распоряжение н-ка боевого участка Куриленка. Куриленко распорядился, чтобы вновь прибывший отряд, как отдельная рота, влился в полк. Отряд Метлы отказался исполнить это распоряжение и ушел в свой район, разгромив по дороге еврейскую колонию № 2.

Это известие меня сильно обеспокоило. Я дал в штаб телеграмму: немедленно выделить из полка хороших бойцов и под руководством ответственного лица настичь отряд Метлы и обезоружить. Главарей расстрелять.

По возвращении после неудачных боев под Екатеринославом в Гуляй-Поле, я выяснил, что колония № 2 совершенно разгромлена и сожжена. Часть жителей перебита, часть разбежалась, а часть в подводах у добровольческих частей. Виновники этого злодеяния расстреляны не были, так как они тогда же вышли из подчинения наших командиров и разошлись по домам.

Весть о разгроме еврейской колонии быстро разнеслась по всем моим частям, и у большинства повстанцев вызвала целый поток протестов и возмущений. Многие из повстанцев, зная мое отношение к подобного рода злодеяниям, прислали мне через своих командиров следующие заявления.

«Батько, мы по борьбе истинные ваши сыны, сыны нашего народа. Верьте нам, что мы, услышав о разгроме отряда Метлы еврейской колонии № 2, знаем и чувствуем, как это отозвалось на вас. Верьте, что с такой же болью, как и вы, мы вместе с нашим сердцем и разумом переживаем этот позор. Клянемся вам, батько, что среди нас в наших частях такого отношения к еврейству не замечается, а если появится, то вашим именем мы его уничтожим. Поддержите нас в этом». Такая резолюция на меня, упавшего было духом и опустившего руки в борьбе против деникинщины, произвела благотворное действие.

Я издал и разослал по всем частям приказ, в котором ясно обозначалось, что всякий грабеж, изнасилование или убийство не только еврея или мирного жителя какой-либо другой нации, но даже человека, стоящего в рядах наших прямых противников деникинцев без ведома штаба боевого участка, повлечет за собою расстрел всех командиров той части, в которой окажутся преступники. В случае неисполнения приказа – сам застрелюсь, чтобы не видеть и не слышать о подлых людях, творивших моим именем нечеловеческие преступления.

Этот приказ, помню, вызвал среди повстанцев горячую готовность стоять на страже справедливых отношений как к мирным жителям, так и к захваченным противникам.

Правда, по отношению к противникам, в зависимости от момента, наша тактика менялась, но по отношению к мирным жителям независимо от того, к какой нации они принадлежали, сохранялось самое миролюбивое отношение.

II

Был февраль 1919 года. Деникинцы девять дней осаждали Гуляй-Поле со стороны Полог и Цареконстантиновки. Гуляй-Полю каждую минуту грозило нападение. Благодаря усиленной общей работе населения, в том числе и еврейского, по рытью окопов, по смене людей на фронте, мы героически выдержали тот натиск со стороны противника и, в конце концов, заставили генералов Тило и Виноградова и их приспешников позорно бежать десятки верст.

Успех на фронте дал мне возможность глубже заглянуть в общественную жизнь района. Наряду с жизнью сел и деревень вообще, я заинтересовался жизнью еврейских колоний в частности. Таких колоний в нашем районе разбросано довольно много.

Собрав всех старост этих колоний и выяснив, сколько жителей в каждой из них, чем они занимаются и как живут, я поинтересовался,

посещают ли их ночные грабители, заезжают ли к ним повстанцы, и если заезжают, то, как ведут себя. Мне сказали, что грабители изредка по ночам действительно появляются. Повстанческие отряды тоже порой заходят и в Masse своей относятся к еврейскому населению миролюбиво. Были случаи, когда повстанцы сами тут же на глазах еврейского населения секли шомполами своего товарища выскочку, пытавшегося обидеть «жида».

Выслушав все это, я тут же предложил всем старостам организовать в своих колониях самооборону,

По штабу мною было отдано распоряжение – выдать на каждую колонию по 8 винтовок и по 10 патронов к каждой из них. Через самый короткий срок это распоряжение было в точности выполнено.

Это вооружение еврейских колоний не было секретом, и о нем скоро узнали окружающие села.

По наветам погромных элементов, везде и всюду кричавших, что жидов нужно бить, ко мне из сел стали доноситься голоса – почему, мол, батко Махно вооружает евреев, почему он так заботится о них.

Услышав это, я и некоторые из членов культурно-просветительного отдела при главном штабе провели по селам целый ряд митингов на эту тему.

Когда же один анархист письменно запросил меня, как вы, батко, смотрите на евреев, я ответил ему открытым письмом в 3-м номере газеты «Гуляй-польский Набат», выходившей тогда в Гуляй-Поле.

С этого времени в нашем районе начался резкий перелом в умах крестьянства по поводу еврейства.

Евреи от колоний участвуют в 2 и 3 районных съездах в Гуляй-Поле. Евреи вступают в семью общественного строительства.

По зову военно-революционного совета, избранного съездом, евреи дают так же, как и все крестьяне, в ряды революционно-повстанческой армии Украины махновцев своих сыновей.

На сомнение многих в том, что из евреев будут хорошие воины, я отвечаю тем, что группирую всех евреев в отдельную боевую единицу. Узнаю, что среди евреев этой боевой единицы есть артиллеристы старой службы и поручаю им организовать полубатарею.

Когда же я увидел, что эта полубатарея прекрасно организована и дисциплинирована, я расширяю ее в батарею с еврейской полуротой прикрытия.

Таким образом получается отдельная боевая единица, состоящая исключительно из евреев, которая добровольно, руководствуясь исключительно лишь чувством гражданского долга, становится рядом с десятками других таких же боевых единиц, как она, но состоящих из крестьян и рабочих, переносит вместе с ними вес тяжести и лишения фронтовой жизни, проливает кровь, кладет свои жизни за общее дело всестороннего раскрепощения трудовых народов Украины.

В марте месяце я уже соединился с Дыбенком и занимал своими частями Бердянск, Мариуполь и стоял под стенами Таганрога. Дыбенко направлялся на Крым.

Открылся широкий простор для деятельности. Организационный отдел штаба выдвигает полк за полком и ставит их на фронт, снимая оттуда людей уставших.

Еврейские колонии организовались во взводы и тоже выступили на фронт. Выступила из Гуляй-Поля и потянулась на позицию и еврейская батарея со своим обозом и прикрытием.

Помню, я, возвращаясь с фронта, встретил под селом Ново-Успенкой еврейскую батарею со всем своим обозом и прикрытием, едущую на фронт. Я сошел с автомобиля и попросил едущих остановиться. Ко мне подошел командир батареи Шнейдер и попросил разрешения выстроить батарею по всем правилам, ибо бойцы хотят услышать от меня напутственное слово. Не успел я ответить, – как батарея, обоз и прикрытия стояли уже на своем месте.

Я сказал им краткую речь. Закончил ее призывом к бойцам, – доказать своей примерной и искренней сплоченностью с крестьянской армией, что еврейский народ вовсе не заслуживает того попирания его воли и чести, которое на него так часто обрушивается со стороны различных громил и хулиганов.

Многие из бойцов заплакали. Заплакал и сам командир. Охваченный наплывом чувств, я замолчал...

Когда бойцы успокоились немного, из их рядов послышалось: «Благослови нас, батько!.. Мы пойдем и будем честно сражаться в рядах твоей армии до последней капли крови, но дай нам твое честное слово, что ты и впредь будешь также отстаивать наши права и честь». Эти искренние обещания меня глубоко тронули. Я сказал: «С помощью вашей чести, смелости и героизма мы их отстоим»...

Поговорив еще с командиром и дав кое-какие напутственные указания, я простился с отрядом и поехал в одну сторону, а они в другую.

Спустя месяца полтора-два после этого я узнаю следующее: военному комиссару села Ново-Успенки было сообщено, что, якобы, евреями колонии Назарьевки, что в 7-ми верстах от с. Ново-Успенки, убиты и выброшены в поле три повстанца. Не долго думая, этот комиссар берет с собою человек 13 распущенных по домам повстанцев, едет в колонию Назарьевку и убивает в отместку несколько человек евреев.

Узнав об этом, немедленно снаряжаю комиссию и высылаю ее на место преступления выяснить точно, кем и при каких условиях были совершены убийства.

По возвращении комиссия сделала доклад о своей работе. Она выяснила, что под колонией Назарьевкой действительно валяется три разложившихся человеческих трупа. Но кто эти убитые, кем и когда они убиты, выяснить так и не удалось. Можно было предполагать, что

это – жертвы проходившего здесь несколько недель тому назад деникинского карательного отряда. Узнав об этих трупах и увидев их воочию, Ново-Успенковский военный комиссар с 13-ю людьми 7-го заднепровского полка решил, что это трупы повстанцев, убитых жителями колонии и самочинно расстрелял за это несколько человек евреев.

Узнав обо всем этом, штаб послал в Ново-Успенку отряд, который арестовал всех участников убийств евреев с военным комиссаром во главе, и доставил их в Гуляй-Поле.

Судила их особая комиссия, составленная из комиссара моей дивизии Петрова, присланного из центра, Николая Чубенко и еще нескольких человек повстанцев.

С глубоким интересом следил я за работой этой комиссии, а в душе моей проносились свежие образы людей, ушедших на фронт с батареей Шнейдера.

Сильно прислушиваясь к мнению комиссара дивизии, комиссия вынесла постановление всех этих, хотя и слепых, но все же убийц ни в чем неповинных мирных жителей – отправить на фронт. Против такого постановления я запротестовал и настаивал на расстреле главного виновника этих убийств – успенковского комиссара и с ним пяти человек самых активных участников в этом деле. Комиссия вторично рассмотрела дело и, согласившись с моими доводами, признала необходимым расстрел. Виновных вывезли за село и расстреляли.

Весть о столь решительной расправе с убийцами евреев быстро разнеслась по району и произвела сильное впечатление.

После этого случая прошло лишь несколько дней, как вдруг получаю с фронта письмо деникинского генерала Шкуро.

Письмо это от 9 мая 1919 года, писанное начальником штаба Шкуро полковником Шифер-Маркевичем. В нем между прочим говорится: «В виду того, что у нас белых и у вас махновцев одни цели, а именно – вы бьете жидов и коммунистов, и мы их бьем, нам незачем с вами драться. Пойдемте вместе – ведь мы русские люди» и т. д.

Какой ненавистью, каким презрением к таким русским людям наполнилось мое существо при чтении этого наглого предложения. Когда я выгонял генерала Шкуро из сел и деревень, то заставлял почти в каждом селе сотни изнасилованных женщин, малолетних девочек и семидесятилетних старух, плачущих и проклиняющих шкуровских удалцов. Мирных крестьян, стариков, массажи секли шомполами и расстреливали эти русские люди.

На это письмо был дан достойный ответ русскому человеку генералу Шкуро в 3-м номере нашей газеты «Путь к свободе».

Но этого мало. Русскому человеку нужно было на деле показать, как относятся революционные повстанцы махновцы к «жидам»...

И ему это показали евреи повстанцы со своим командиром Шнейдером во главе...